

A man with short, light-colored hair and a serious expression is the central figure. He is wearing a white, long-sleeved button-down shirt that is unbuttoned at the collar. His arms are crossed, and a glowing green energy or light emanates from his hands. The background is a dramatic, fiery landscape with a sunset or sunrise sky in shades of orange, yellow, and red. The overall mood is intense and mysterious.

Кристина Воронова

Забывший

МИР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Воронова

ЗАБЫТЫЙ МИР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57384715

SelfPub; 2020

Аннотация

Боги ходят среди людей, принося им только страдания и боль. Могут ли их потомки свергнуть жестоких властителей? Или же мир погрузится в хаос? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1. История Пророка Чужого мира	5
ГЛАВА 2	26
ГЛАВА 3	41
ГЛАВА 4	57
ГЛАВА 5. История Павла, всё ещё человека	73
ГЛАВА 6	86
ГЛАВА 7. Спешу домой	119
ГЛАВА 8	141
ГЛАВА 9	152
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Часть 1. Как всё началось

ГЛАВА 1. История Пророка Чужого мира

Старуха покинула каменный дом только тогда, когда песчаная буря закончилась. Этот дом напоминал древнюю гробницу, наполовину погружённый в песок. Но по какой-то причине грубо обтёсанные камни до конца так и не утонули в бесконечном океане серо-жёлтых песчинок. А ведь некоторые дома их крошечной деревушки иногда именно так и исчезали – просто погружались в песок под своим весом – и песок принимал их, оказывая точно такую же почесть, как и гигантским пирамидам, построенным из куда более тяжёлых каменных блоков.

Сморщенная, наполовину согнутая, сама себе напоминающая недоделанную искусными мастерами мумию, женщина в чёрном одеянии, закрывающем тело, почти всё лицо и седые, почти полностью выпавшие волосы, тщательно, напряжённо осмотрелась. Скучная растительность, иногда пробивающаяся даже в песке, сморщилась ещё сильнее, словно её же собственная выдубленная горячими ветрами и песком кожа. Плоды невысоких, цепляющихся за песок узловатых деревьев, высохли и на ощупь напоминали маленькие камешки.

Соседские дома выглядели целыми, а животные издавали испуганные звуки. Почти всегда живность находилась рядом с хозяевами, потому что строить отдельные укрытия для коров, овец и коз было неслыханным расточительством, так как камень песчаник находился глубоко в песке, и добывать его было очень непросто даже опытным мастерам, которые передавали свои знания и инструменты из поколения в поколение.

Её верные козы испуганно блеяли, но она ничем не могла им помочь. Главное, что они опять выжили: её маленькая семья, состоящая из двух козочек и одного козлика.

Темнокожий мальчик и его более светлая сестра осторожно вышли из соседнего домика. Они представляли собой необычный контраст, будто холодная ночь и жаркий день.

"О, владычица семи покрывал! О, прекрасная принцесса, властительница города Мёртвых!" – начал звать мальчик, встав на одно колено и протянув тощие руки к хрупкой и маленькой девочке в изношенном платье из грубой ткани.

Эта сцена вызывала бы улыбку, если бы не давняя история. Легенда о прекрасной принцессе, единственной наследнице фараона, завоевавшего огромную империю и полностью погубившую её из-за своих непомерных амбиций, была известна ей с самого детства.

В результате жестокой резни в одну далеко не чудесную ночь фараон лишился всех своих детей, даже бастардов. Уцелела лишь одна девочка, которая в эту ночь решила сыграть

с нянями и служанками в прятки и затаилась на дне огромного каменного сундука, в котором хранились её наряды.

Фараон не выдержал удара судьбы и скончался, перед смертью успев назначить дочь наследницей. Двенадцатилетняя Фатиха взошла на трон и возглавила империю.

Несмотря на столь юный возраст, прекрасная принцесса правила железной рукой. Именно она приблизила к себе придворных магов, из тех, кто обладал истинной магической силой. Эти проклятые чародеи научили её создавать магические камни из душ жестоко умерщвлённых рабов и пленников.

Эти камни продлевали жизнь принцессы, делали её ещё более прекрасной и жестокой. В результате жителей в громадной империи не осталось. И в конце концов Фатиха убила в одну из ночей своего супруга-регента и маленького сына, чтобы заполучить ещё два камня, дабы продлить свою и так затянувшуюся жизнь.

И затем она сгинула, заперевшись в прекрасном дворце, который стал её могилой. Пирамида, в которой принцесса должна была покоиться после смерти, так и осталась недостроенной.

Но легенда не заканчивалась на этом. Существовало поверье, что однажды принцесса, владычица семи драгоценных покрывал, символизирующих человеческие грехи, воскреснет и поведёт подконтрольную ей армию нежити на соседние города и страны, чтобы заполучить ещё больше проклятых

камней.

Не то, чтобы старая Эсмеральда в это верила. И глупые игры детишек, которые лишь недавно остались сиротами – их родители погибли в пустыне, пытаясь добраться до оазиса, застигнутые очередной песчаной бурей – вовсе не казались ей дурным предзнаменованием.

"Это ведь просто игра, так? Детям тяжело на душе и скучно. Им теперь придётся ухаживать за домашними животными и пытаться как-то выжить. Да и почему бы именно они стали вестниками грядущих несчастий?" – уговаривала себя старая женщина.

"И эти дети мёртвую королеву восславляют. Бедняжки. Наверное, думают о смерти родителей. И знают о том, что вряд ли проживут долго. Малыши ведь не справятся с хозяйством. И кочевники нападают на соседнее государство, а теперь вот, про владычицу мёртвых вспомнили. Благо, её земли находятся далеко, авось не доберётся. Или успеем убежать. Хотя куда мне, старой, сбегать? Да ещё и через пустыню, даже с картой, где указаны все оазисы. Ноги старые, скрюченные, и так еле-еле меня носят".

Водовоз помахал ей рукой. Он казался ещё более скрюченным, чем она сама, хотя стукнуло ему шестьдесят годков, и для их деревни Мустафа казался молодым и сильным. Населяли деревушку только лишь старики, да дети малые. И зачастую детишки просто не доживали до преклонного возраста. Кто отправлялся в пустыню, кто пытался добраться

до большого города, да там и остаться любой ценой. Многих поглотил песок, убила жара и голод. А всё потому, что животные дохли ещё чаще, чем люди.

Единственный колодец находился за пределами деревушки, и многие старики просто не рисковали отправляться за водой. Так и появилась почётная обязанность набирать драгоценную жидкость и разносить воду по домам, которая, впрочем, ничего не давала, никаких привилегий. Лишь тяжёлая обязанность, которая позволяла остальным продолжать жалкое существование.

– Держи, старая, – передал он ей последний оставшийся глиняный кувшин. – Завтра заберу, как обычно, если опять буря не разразится. Что-то зачастили песочные духи в наше селение. Не к добру это.

Эсмеральда едва не сплюнула, только влагу пожалела тратить на выражение эмоций. Иногда песочные бури называли песочными духами. Или девами-мумиями. Считалось, что это самые верные рабыни принцессы мёртвых. И даже после гибели своей госпожи они насылали на людей песчаные бури, проклинали, забирали жизнь и здоровье.

– И ты туда же, – прошептала старуха еле слышно.

– Что бормочешь-то, старая? Проклинаешь, небось? Так ничего у тебя не получится, старая ведьма. Предсказали мне, что возле колодца я когда-нибудь отыщу несметные богатства. Вот думаю: может, следует внутрь залезть? Вдруг найду чего? Тогда и караван с верблюдами нанять можно будет,

чтобы отправиться к городу. Или даже проехать дальше и поселиться возле моря солёного. Представляешь, жить там, где все любят песок, где собирают съедобные ракушки и ловят рыбу и раков, водяных черепах. Где песок смочен водой, а если он горячий, то простирается лишь тонкой полосой, никого не пугая бурями. Скажи, это ведь истинное счастье, да, старая? Не ври, что никогда о таком не мечтала.

– Мне, в отличие от тебя, никакие гадалки из караванов, изредка проезжающих мимо нашего селения, не обещали богатств. Да и старая я слишком. Мне уже помирать скоро, куда мне в дальние путешествия пускаться?

– Хоть и старая ты, но крепкая, как камень. Многих пережила ты, Эсмеральда, хоть и жизнь никому не дала.

Старая женщина проглотила язвительную реплику, вертящуюся на кончике языка. Знала ведь, что недавно у Мустафы жена родами померла, а ребёнок умер почти сразу же, словно стремился мамку на том свете догнать.

– Вот, эти двое сиротами остались, – ткнула она пальцем в дом, куда дети недавно забежали, спасаясь от огненных солнечных лучей, которые хлестали по коже, будто плети по плечам и спине рабов караванов. – Забирай себе, если хочешь. А в колодец даже и не думай лезть. Если он иссякнет, мы все помрём. Да и остальные тебя казнят: голым в пустыню выгонят в самый полдень. Хватит уже к глупым цыганкам прислушиваться. Предсказывают они, надо же! Всё, что угодно нагадают, лишь бы угостили их водой из нашего ко-

лодца. А ты и уши развесил, дурак старый!

Мустафа пришёл за детьми на следующий день, но было уже поздно: и мальчик, и девочка лежали мёртвыми, обескровленными. В доме остался почти полный кувшин воды, не доенная коза жалобно бляла. И на стене кровью самих детей было написано: "Грядёт время мёртвой королевы". А большая часть крови загустела, вытекая всю ночь из перерезанных запястий.

Трагедия ошеломила всех жителей. И они собрались на похороны, молчаливые, как никогда. И глаза у всех были сухими, кто-то испускал жалобные стоны, но никто не плакал, чтобы сохранить столь ценную влагу в своих едва живых телах.

На следующий день, в жаркий полдень, когда все жители старались забиться как можно глубже в свои маленькие каменные жилища, Мустафа с гордым видом позвал Эсмеральду.

– Что, нашёл свои сокровища? – сардонически заметила она, с осторожностью принимая кувшин, вода в котором сохранялась холодной. В этот момент старуха следила только за руками, чтобы старческие, ослабленные пальцы не разжались. Она бы пережила гибель любимого ребёнка – если бы у неё он был – но не смогла бы выдержать, если бы кувшин

разбился, а вода разлилась, впитавшись в раскалённый песок.

– Представь себе! – тот с гордостью достал из небольшой тележки, в которую был запряжён грустный ослик, младенца, замотанного в грубую ткань его верхней одежды. Старуха подивилась в первую очередь тому, что водонос рискнул даже ради младенца снять одну из одежд. Солнце было безжалостным и могло убить даже за несколько шагов до колодца. – Смотри, какой красавец! Мальчик! У меня будет сын! – он едва не приплясывал, а Эсмеральда задрожала, словно бы ей вдруг стало холодно, как это бывало по ночам. Ночью холод убивал с точно такой же безжалостностью, как и жара днём.

Она заметила и слегка желтоватую светлую кожу младенца, а также его жёлтые глаза, сверкающие, словно драгоценные камни. И вспомнила, что королева мёртвых много столетий назад правила в империи, люди в которой как раз обладали желтоватой кожей. А у элиты, тех, кто считался Рождённым Ра, богом Солнца, глаза были жёлтыми, будто у гиен в пустынях. Единственных, кроме змей и некоторых мелких зверушек, выживавших в раскалённых песках.

– Этого не может быть! – воскликнула она, сотворив знак защиты от злых сил.

– Тьфу на тебя, старая, – водонос едва не сплюнул. – Ты, небось, совсем из ума выжила. А всё потому, что детей у тебя никогда не было.

– Будто я в этом виновата?! – обозлилась Эсмеральда. – И я-то точно не ведьма, а тот выродок, которого ты незнамо откуда притащил, точно не из нашего народа. И он уничтожит нашу деревеньку, как это говорилось в древнем пророчестве. И восстанет королева мёртвых, и заберёт наши жизни и души.

– Совсем ты из ума выжила из-за одиночества. Переехала бы к старику Самуилу, у которого дочь сбежала с караванщиком. Тот как раз горюет и места себе не находит. Всё была бы компания. Глядишь, и стала бы ты добрее.

– Сам ты старый дурак. Откуда, по-твоему, в наших краях возле колодца младенец взялся? Скажешь, караванщики подкинули? Да, такое бывало. Но тогда детей оставляли у кого-то из местных жителей, так как на солнце младенец долго не протянет. И когда в последний раз мимо нас караван проходил? Не можешь вспомнить? Я тоже не помню. Целый год никого не было, вот так! Может, всё-таки отправишь это отродье туда, откуда взял? Возможно, тогда мы избежим гибели.

– Ещё раз тьфу на тебя, ведьма ты старая. Сиди дома одна, а я не хочу встретить старость в одиночестве. И мне плевать, как там ребёнок очутился возле колодца, понятно тебе? Он лежал в тени старого дерева, поэтому и не пострадал.

– Делай, что хочешь, – старуха махнула рукой, отвернулась, чтобы не смотреть на такое счастливое лицо водовоза, подхватила кувшин и скрылась в доме.

Ночью начался не просто дождь, а самый настоящий ливень. Жители, кутаясь в тёплые шерстяные одеяла, закрывая глаза, с блаженными выражениями лиц слушали и слушали небывалые звуки. Многие сразу даже не поняли, что происходит, так как дожди шли лишь в оазисах. Только охотники и собиратели фруктов могли узреть такое диво.

Растительность вокруг домов неожиданно выросла за одну ночь, пробившись сквозь песчаную почву. словно ветер принёс семена из далёких стран – в эту же волшебную ночь. И то, что дом старой Эсмемальды ушёл на дно появившегося на этом месте небольшого озера, особенно никого не расстроило.

Мустафа мог бы сказать, что после того, как в его доме появился приёмьш, его жизнь полностью изменилась. Да и в их деревушке всё стало совсем по-другому. Песок перестал поглощать дома, словно жадный зверь добычу, жара спала, тучи, как и дождь, стали частыми гостями их селения. Благодаря этому жить стало намного проще. И караванчики всё чаще останавливались у них, обменивая товары на глиняные кувшины с водой и свежие фрукты.

А ещё это обстоятельство позволило ему обзавестись женой. Одна из рабынь, которую везли аж во дворец падишаха, в гарем, ухитрилась сбежать. А затем вернулась из пустыни, где выжила неведомым образом, в их деревушку. И эта высокая, темнокожая молодая девушка, с большими чёрными глазами согласилась стать его супругой. Так как ещё до по-

падания в лапы евнуха, подбравшего самых красивых рабынь для гарема, Алиша обслужила слишком много мужчин в борделе, своих детей у неё быть не могло. И к радости Мустафы, полюбила приёмьша как своего сына.

– Папа! – прервал его размышления маленький сорванец. Шахрияр – такое он дал ему имя, вспомнив одного из великих царей прошлого, подкрался сзади. – А мама снова кашу готовит, будет вкусно, – заметил он, садясь прямо на землю в коротких штанах и серой рубашке. – А я вылечил нашу козочку, – похвастался мальчик.

Немолодой мужчина внезапно подумал, что в ребёнке действительно есть что-то необычное, волшебное. Да и в ту ночь, когда младенец впервые ночевал в его доме, пошёл дождь. Кроме того, малыш умел излечивать травмы: и людям, и животным. Вокруг их дома зацвёл целый сад, который превратил скромное жилище в самый настоящий оазис. И когда ребёнок находился рядом с Алишей, когда та готовила, каждое блюдо получалось удивительно вкусным и питательным.

– Молодец, малыш, – похвалил он его, потрепав по кудрявой головёнке. Волосы у малыша были огненно-рыжими, словно лучи заходящего солнца.

Мальчику на удивление нравилось рассказывать всем сказки, которые слышал от приёмных родителей, а также придумывать новые. И общался он не только с детьми, но и с пожилыми людьми.

Иногда ему казалось, что Шахрияру нравилось общаться и с живыми людьми, и с песком, и с солнцем, и с растениями. Он умудрялся говорить даже с водой!

Постепенно и остальные жители замечали, что возле их селения опасные песчаные бури отступают. Охотники и сборщики фруктов теперь могли свободно снабжать жителей мясом животных и фруктами, а также листьями растений, используемых в качестве приправ. Жители перестали гибнуть в таком большом количестве, дети спокойно росли, не зная болезней. Солнце уже не так сильно высушивало кожу, поэтому и красавица Алиша, и другие молодые женщины, дольше сохраняли красоту.

Алиша, улыбаясь, вышла из дома с кувшином молока и двумя глиняными кружками.

– Коза здорова, а я-то думала, что нам придётся её на мясо пустить, – заговорила она, наливая им по кружке молока.

– Это я постарался, мамочка, – с гордостью заметил пятилетний мальчуган, сверкая жёлтыми глазами.

– Молодец, милый, ты нам всегда помогаешь, – она погладила его по волосам, ласково улыбнувшись. Тот ответил ей белозубой улыбкой и вытер молочные усы.

– Да, я такой! – он смешно подбоченился, копируя приёмного отца. Затем ещё немного подумал и подкрутил несуществующие усы.

– Расскажи-ка мне сказку, – потребовал мальчишка и устроился на земле поудобнее.

– Жила-была прекрасная принцесса, – послушно начала Алиша. – Она была красоты неземной, глаза у неё горели, словно солнечные лучи, а кожа словно бы впитала отблеск множества золотых монет, которые хранились у неё в сокровищнице. Но самым большим богатством для неё стали драгоценные души людей, которые она превращала в волшебные камни, с помощью которых продлевала свою жизнь. Она всегда оставалась молодой и красивой, но душа её постепенно становилась чернее ночи...

Мустафа похолодел, услышав эту историю. Конечно, он понимал, что легенда о владычице семи покрывал разошлась по свету, но слышать из уст любимой жены страшилку, которой его пугала погибшая ведьма Эсмеральда, было неприятно.

Он побыстрее собрался и отправился к дому, взять кое-какие инструменты для очистки колодца. Работа всегда приносила покой и настраивала на благодушный лад.

– Тебе понравилась сказка? – поинтересовалась женщина, поднимаясь гибким, тягучим движением и принимаясь за работу в саду. Растения, которые появились после первых дождей, приносили жителям только радость. Те были готовы заниматься ими с утра до ночи.

– Да, очень, – мальчик задумался, нахмурив высокий гладкий лоб. – Только мне кажется, что я её уже слышал. Когда был совсем маленьким. Это ты мне её рассказывал, пап? – обратился он к отцу, который как раз выходил из до-

му.

Тот только головой покачал.

– Нет, не я. И мне пора к колодцу. Хотя сейчас у каждого много воды, так как её собирают во время дождей, всё-таки нужно его чистить и присматривать за ним. Нужно оказывать уважение тому, кто помог тебе выжить в тяжёлые времена.

– Конечно, пап, – мальчик явно ушёл в свои мысли.

– О чём задумался, милый? – Алиша нет-нет, да отрывалась от работы, поворачиваясь к ребёнку. Ей не слишком нравилось, когда выражение детского личика становилось слишком серьёзным и печальным. Ей ведь довелось встретить тех, кто веками страдал от палящего солнца в этой деревушке. И лица у них были такие же печальные, а глаза слишком мудрые, словно у столетних мудрецов.

– Мне иногда снятся странные сны, матушка, – отозвался мальчик, начиная раскачиваться, обняв колени руками. Жёлтые глаза засияли странным светом.

– Мне снилось, что когда-то давно у меня была совсем другая мама. Она была высокой, красивой, с такими же глазами и кожей, как у меня, а волосы её были бронзового цвета. И жили мы в огромном дворце из чёрного, будто уголь, камня. И горели в нём светильники кроваво-алого цвета. В подземных тюрьмах кричали и стонали люди, много людей. А в самом дворце прислуги становилось всё меньше и меньше. И тех, кто славил мою мать, тоже. Пьяных выкриков придворных в залах для угощений тоже слышалось всё реже, а

пленников в тюрьмах прибавлялось с каждым днём. А потом остались только мы с мамой.

– А как же папа? – поинтересовалась Алиша.

Мальчик сдвинул брови.

– А папы не было, мама его уже убила, – добавил он. – Хотя, наверное, это был не мой настоящий папа, а просто муж мамы. Рядом с мамой был великий и могучий чародей, которого мама сама побаивалась и беспрекословно слушалась. Я почему-то не помню его лица, хотя лица мамы и папы помню очень хорошо. Они были такие красивые! И величественные, вот!

– Нам принадлежали пустыни, поля, леса. Много-много королевств завоевала моя мама. А ещё маме прислуживали самые настоящие разбойники, другие принцессы и принцы, королевы и короли, рабы и караванщики, и многие другие. Только они постоянно плакали и боялись, что их отправят в подземные тюрьмы. А я тоже немного умел колдовать. Я летал, становился невидимым, понимал язык зверей, – мальчик проговорил это на одном дыхании.

– Но мама меня не любила, – вздохнув, добавил он. – Словно я был частью комнаты. Мол, стоит этот резной стул из дорогого чёрного дерева в её комнате – хорошо. Унёс кто-то – так и будет, другой ведь можно купить. И однажды я заметил, что во дворце есть тайная дверца, ключ от которой всегда у мамы хранится, в резной шкатулке на столике. И однажды я взял этот ключ – белый-белый – и открыл дверцу. А

за ней чёрное озеро, круглое и страшное. Но я в нём решил искупаться. И вдруг опять стал маленьким, вот. И забыл, как колдовать. Только вспоминал о моей прежней жизни во снах. Но я не знаю, наверное, это просто сны, ведь так, матушка? Такого же не бывает? Это ведь слишком сказочно всё, как в тех легендах, которые вы с папой мне на ночь рассказывали.

– Конечно, милый, – Алиша украдкой вытерла слёзы. – Такого не бывает в жизни.

– Вы же мои настоящие родители, правда? А то, что соседские мальчишки говорят, что меня возле колодца нашли, так это ведь неправда? Откуда дети возле колодца могут взяться? Дети из животов матерей появляются, я уже взрослый, я знаю! Мам, почему ты плачешь? – рыжеволосый мальчик серьёзно взглянул в глаза женщины, которая поспешно отвернулась и сделала вид, что активно копает.

– Мам, можно я с охотниками в соседний оазис пойду? – начал канючить Шахрияр, наматывая круги вокруг уже немолодой, но всё ещё красивой женщины. Счастливая жизнь подарила ей только морщинки возле рта и глаз, так часто она улыбалась. В волосах цвета самой ночи серебрились первые признаки старости. – Мне целых четырнадцать лет, я уже мужчина! И мне стыдно за твою юбку прятаться от окружающего мира.

– Какая пафосная речь, – женщина похлопала, склонив голову набок и внимательно изучая лицо любимого, хоть и приёмного сына. Сердце её щемило. Она понимала, что в поисках приключений Шахрияр будет стремиться всё дальше и дальше. Тем более, что он с детства мечтал увидеть море и самые настоящие деревянные корабли, которые бесстрашно лавировали между волн. Да он и на скромную лодку рыбака согласился бы. Лишь бы осуществить свою мечту. Да, Алиша понимала, что сегодня он, возможно, вернётся к ней и уже пожилому отцу, завтра тоже, а через несколько лет уже вряд ли. Или погибнет во время своих вылазок, или сбежит с караванщиками, как поступали многие юноши и девушки до него, или просто станет великим путешественником – почему бы и нет?

Такие, как он, точно не умирали в своей постели.

– Иди уж, великий охотник, – покачав головой, отозвалась она, пытаясь скрыть слёзы. Плакать она давно разучилась. Ещё тогда, когда почти ребёнком её продали в бордель собственные родители. Потом, когда очутилась в липких ручонках злобного евнуха, поставщика гарема падишаха. Конечно, неприятный толстяк в роскошной одежде долго кривил нос, но, как говорится, если искать исключительно девственниц, то падишаху придётся либо поститься, либо переключаться на детей. Тем более, что тот падишах как раз любил зрелых девушек и молодых женщин, которые не отличались скромностью в постели. Жёны-девственницы, половина из кото-

рых были его двоюродными сёстрами, и так у него имелись.

Женщина привыкла терять и собственное тело, и даже душу, но отпускать ребёнка, дарованного ей богами, не хотелось. Но выбора не было. Либо она разрешит, либо Мустафа позволит, либо же он сам удерёт.

Лучше уж сохранить иллюзию выбора, чем оказаться поставленной перед фактом. Родительский авторитет терять не хотелось.

В оазисе оказалось многолюдно. Несколько молодых охотников из их селения прижались друг к другу, сжимая в руках топоры, луки со стрелами и ножи. С одной стороны караванчики – это новые товары, одежда, новости годовой свежести. С другой – возможные работорговцы и разбойники. Чтобы выжить в пустыне требовалось уметь переступить и через себя, и через других, при необходимости питаться мясом и кровью не только верблюдов, но и рабов. Или даже собственных товарищей, которые совсем недавно прикрывали спину во время очередной стычки с разбойниками, а в голодное время становились добычей.

Возле родника толпились торговцы и погонщики, чернокожие рабы, подгоняемые окриками и кнутами, стройные женщины, закутанные до самых глаз в плотную чёрную одежду. Да и глаза скрывала газовая вуаль, трепещущая на ветру.

Многие караванчики опускались на колени, словно собирались молиться, и жадно пили воду просто ртом или зачер-

пывая руками. Другие набирали драгоценную влагу в кувшины. Рабам доставались только брызги воды, случайно попадавшие на их маслянистую кожу.

Шахрияр с грустью и злостью наблюдал за этим неприятным зрелищем. Словно бы его родное селение грабили.

– Удивительно у вас тут, – полный купец с широкой, словно лопата, угольно-чёрной бородой приветливо, без агрессии, обратился к ним. – В пустыне жара, будто в пекле, мы даже ни одной змеи не увидели за все три месяца пути, едва от песчаной бури успели убежать. А тут у вас просто рай! Мне даже показалось, что я птиц видел. Но, наверное, показалось. Какие птицы в пустыне? Здесь даже падальщики не водятся, так как звери повымирали, одни голые скелеты валяются. Или это нам так повезло? Шайтан, небось, водил нас кругами. Хорошо, хоть сюда добрались, иначе, наверное, вообще бы померли. А тут у вас растительность зелёная и вода чистая. Вода! До моря-то месяц пути, если повезёт дорогу правильную найти.

– Дяденька, а вы пирамиды видели? – с жадностью спросил Шахрияр, немного осмелев.

– Видел. А как же не увидеть? – передёрнулся тот.

– И какие они?

– Для каждого, сынок, они разные. Каждый их видит по-своему. Некоторые так вообще считают, что это иллюзии из-за жаркого солнца, когда как следует черепушку-то припе-чёт. Злые мороки, ниспосылаемые злобными духами пусты-

ни. Всякое говорят.

Что именно увидел он сам, торговец не сообщил, а Шахрияр не решился настаивать.

Он застыл на месте, погрузившись в мечты. Море! Как же он хотел его увидеть. Мать когда-то жила возле моря, правда, по её словам, судьба её была печальной. И на море она мало смотрела, не до него ей было. Да и привычной казалась Алише эта картина. Как им самим бесконечные волны песка. Барханы, дюны, песчаные бури – для него это тоже было привычным, как и для караванщиков. Но те, в отличие от него, видели и самое настоящее море, а не только маленькое озеро на месте домика проклятой ведьмы. Да и купаться в нём строго-настрога запрещалось. Из него даже воду не набирали, чтобы растения и цветы поливать. Не говоря уже о том, чтобы пить. Говорили, что вода отравленная.

Самые непослушные дети не рисковали ослушаться старших. Даже те, кто впоследствии убежал с караванщиками.

Ну, кто убежал, а кого крали.

Кому как повезло – или не повезло.

Шахрияр знал, что молодых девушек из их селения часто ловили "на живца". То есть, в караван для этого набирали привлекательных молодых мужчин, которые и сманивали местных красавиц сладким обещанием жениться. Естественно, что "жёны" оказывались в гаремах или становились рабынями-служанками.

Шахрияру всегда казалось, что он умнее глупеньких мо-

лодых девушек и юношей, для каждого из которых у караванщиков находилась своя сказка. Забирать молодёжь силой мало кто рисковал. Поговаривали, что королева мёртвых окутала защитным покрывалом эту деревушку, и те, кто пытался навредить её жителям, погибали в пустыне: от болезней, из-за песчаных бурь или нашествий разбойников. Либо просто не могли больше отыскать ни единого оазиса.

Поэтому и приходилось караванщикам изощряться, чтобы молодые люди присоединялись к ним по собственному желанию.

А там и обмануть можно, и на рынке рабов продать. Когда караван покинет пустыню. Ведь могущество королевы мёртвых тоже не было безграничным. Это если верить, что она существует. Но многие караванщики и купцы были суеверными.

Но Шахрияр с каждым днём всё чаще мечтал о море. Хотел ощутить морскую соль на губах, а не песок. Хотел услышать клич пиратов: "На abordаж!", узнать, как выглядит чайка и что такое буря. Какой бывает морская буря, а не песчаная.

ГЛАВА 2

Юноша внезапно подумал, что ему настолько сильно хотелось приключений, что он зачастую сам их для себя и придумывал. И поэтому ему нравились древние легенды и сказки.

Он невольно улыбнулся, вспомнив очередную сказку, которую недавно рассказал в кругу своих друзей и подруг. Он и так пользовался большой популярностью в деревушке – надо же, ребёнок пророчества! Но сказки и другие развесёлые истории сделали его практически местным кумиром. Зачастую и караванщики с удовольствием слушали его выдумки, награждая мелкой медной монеткой. Правда, куда их девать, он так и не придумал. Была, правда, мысль проделать в них дырочки, смастерить ожерелье и подарить какой-нибудь красавице. Матери, например. Других идей не было.

В их деревушке деньги были не в ходу. Ценился только труд и натуральные продукты. Тем старикам, кто уже не мог работать, помогали всей деревней. Иногда Шахрияр не понимал, отчего юноши и даже девушки убегают с караванами, поддаваясь на нехитрые уловки сладкоречивых купцов. Он искренне считал своё поселение лучшим местом в мире. Пока был маленьким. Сейчас же ему представлялось, что он птица с обрезанными крыльями, которая стремится улететь

к своим диким собратьям.

Также он замечал, что его просили что-то рассказать, чтобы вырвать минуты отдыха, немного расслабиться и отвлечься от работы. Впрочем, ему всегда нравилось рассказывать что угодно. Он словно погружался в придуманные истории, и иногда ему даже казалось, что однажды он так увлечётся, что куда-то исчезнет, пропадёт, растворится. Словно с каждым словом, сорвавшимся с губ, он терял часть себя. И постепенно становился кем-то другим. Примерял разные маски: и героев, и злодеев.

Вот и сейчас приятели окружили его и попросили рассказать очередную историю, сытые и вялые, напившиеся водой до такой степени, что их животы напоминали толстые бурдюки с драгоценным маслом или вином.

Охотники, решившие пока повременить с ловлей животных, устроились неподалёку от источника. Купцы и даже рабы тоже начали прислушиваться. Шахрияр уступил настойчивым просьбам и жалобным взглядам и начал рассказывать новую историю.

– Заснул как-то купец в оазисе. А рядом самый настоящий шайтан притаился. Купец схватил кинжал и приставил к груди чудовища: "Стой, кто тут шастает по ночам, дела чёрные замышляет?!" – закричал он на него. "Я тебе руки-ноги отрежу!" – продолжил угрожать тот.

"Не бей меня, добрый господин! – бухнулся тот на колени, аж земля задрожала. – Я любое твоё желание исполню".

"Хочу всегда иметь то, что делало бы меня счастливым", – пожелал купец, подразумевая большой дом, много дорогих иноземных товаров и красавицу-жену.

"Будет сделано, мой господин", – поклонился шайтан и исчез.

А купец тот всегда имел в запасах кувшин пьянящего вина. И вскорости больше ничего для счастья ему и не нужно было. Вот так отомстил ему шайтан. Не связывайтесь, дети, с разными шайтанами, белыми, серыми, красными. Все они опасные.

Приятели дружно рассмеялись, и даже некоторые купцы заулыбались.

Один швырнул ему очередную монетку. Ловко поймав её, Шахрияр только головой покачал, усмехнувшись. "Значит, ожерелью – быть!" – подумалось ему.

Али Баба, один из самых активных после него юношей в селении, заговорщицки поманил остальных, знаком показав отойти подальше от чужих ушей. Они залезли в какой-то кустарник, в котором расцветали прекрасные белоснежные цветы и одновременно созревали невиданные алые плоды. Очень вкусные, но ядовитые, если сожрать больше десяти за раз. По крайней мере, смельчак, отведавший горсть ягод одновременно, потом удобрял песок до самого дома.

Шахрияр подозревал, что Али собирается в скором времени их покинуть, отчего больше других интересовался монетами, которые завалились у кого-то из жителей селения.

И, в отличие от остальных, не обменивал у караванщиков фрукты, воду и мясо на приправы, одежду, оружие и другие полезные в хозяйстве вещи, а копил серебро. Даже медные монетки у Шахрияра пытался выклянчить. Но тот не поддавался – его, и всё тут. Честно заработанные деньги за ловкие движения языка. Кто виноват Али, что тот не умеет сказки рассказывать? Да и охотником тот был посредственным, а большую половину фруктов и ягод сжирал, не донеся до покупателей.

– Ребята. Друзья! – внезапно заговорил Али Баба вдохновенным голосом. – Все вы знаете, что я собираюсь в ближайшее время покинуть сию мрачную обитель, сиречь наше убогое поселение. А для этого мне нужна одежда хорошая, меч острый, чалма и прочие нужные вещи.

– В рабы, что ли, захотел? – мрачно заметил Сафир, курчавый высокий юноша с очень тёмной кожей.

– Почему сразу в рабы? – обиделся тот, а затем подбоchenился, даже подбородок задрал. – Может, я великим путешественником стану, новые земли открою? Или хотя бы купцом. А на худой конец можно и в охрану караванов пойти. Тоже, я слышал, платят неплохо.

– А деньги тебе зачем? – вмешался худенький Шахзаман. – Да и в нашем селении сейчас хорошо. Дома у каждого есть, у многих дети рождаются. Животные тоже размножаются на диво. Всегда есть вода и еда. Что ещё надо для счастья?

– Узко ты мыслишь, мой друг, – покровительственно заметил тот. – Мужчина должен подвиги совершать, а не пахать на земле. Или ты уже о тихой старости задумался? Я лично не собираюсь помирать в своей постели. Так что, друзья, вы мне поможете или нет?

Охотники мрачно переглянулись. Проблем с караванщиками не хотел никто. Но они понимали, что Али Баба и так уже по самые уши в неприятностях, и лучше уж его подстраховать, чтобы не загнулся перед началом новой жизни. Вот это было бы обидно для каждого отрока, сумевшего удержать в руках оружие.

– Ладно уж, – Шахрияр, который понимал Али лучше всех, ответил за всех, будучи безоговорочным лидером. – Говори, что задумал.

– В общем, так, этот караван – я уже разузнал – везёт драгоценные пряности. Мой план прост, как всё гениальное: я предлагают ночью одеться потеплее и прокрасться к одному из мулов. Именно на мулах они перевозят самый драгоценный груз, так как верблюдов у них осталось мало, почти все пали в пустыне. Так вот, если вскрыть одну из сумок как можно незаметнее, то вполне можно получить...

– Ага, всё, что тебе причитается, – хмыкнул Шахзаман. – Чёрную метку, как у пиратов. Или сразу кисть правой руки отрубят, как это делается у наших соседей.

– В общем, людей в караване не слишком много. Старая цыганка, но это не интересно, наш Шахрияр лучше сказки

рассказывает. К работорговцам лучше не подходить, хотя их всего двое, остальные сгинули в пустыне вместе с верблюдами. Вот повезло-то кому-то! Особенно тем, кто так и не стал рабами по их вине. К охранникам тоже подбираться не стоит. Купцы могут быть очень опасными. Многие из них научены с разбойниками управляться и свой груз защищать до последней капли крови. Хоть большинство из них очень и очень богатые. Камушки драгоценные у них на пальцах и шеях поблёскивают. Но такую вещь продать потом сложно будет. Убьют ведь, чтобы не расплачиваться золотом, и никто следов твоих в бескрайней пустыне не отыщет. Да и искать не будет. Пряности сбыть проще, они не настолько драгоценные, как золотые цепи с рубинами с кулак толщиной.

– И дальше что? – не выдержали остальные.

– Ночи нужно дожидаться, вот что, трусливые вы задницы. А также хотя бы одну гиену домой притащить или змею, чтобы никто ничего не заподозрил. А то отправились поохотиться, а ничего так и не принесли. Или вдруг нам огненные крабы попадутся? Правда, они любят раскалённый песок, их трудно поймать, так как они сразу закапываются на большую глубину. Зато вкусные и полезные, да и хранятся долго.

– Интересно, кто эта красавица? И почему без покрывала? – Шахрияр уставился поверх головы приятеля.

– Где? – спросил Али. Остальные парни тут же начали крутиться во все стороны, в поисках незнакомой красотки.

– Да там же! – он ткнул пальцем и даже ногой притопнул,

раздосадованный. – Красавица с удивительными волосами. Прямо как у меня! Ещё у неё кожа жёлтая и глаза тоже.

– Да нет тут девушек без чадры! – разозлился Али. – Только вот какая-то сторбленная старуха, закутанная, как и все, обед разносит.

– Да вы что, издеваетесь, что ли?! – взъярился тот. – Или внезапно ослепли? Как такую красивую женщину можно не заметить?

Касым, полный и эмоциональный парень, схватил Шахрияра и Али, стоявших рядом, за головы и развернул к себе лицом. – Что это с вами? Одному красавицы мерещатся, другой на старуху заглядывается. Вам что, солнце голову напекло? Так вы же в шляпах.

Шахрияр машинально коснулся плетёной шляпки из высушенных растений. Придумка Алиши насчёт подобных головных уборов пришлась по вкусу абсолютно всем.

– Ничего не понимаю, – пробормотал парень, снял шляпу и запустил пятерню в густые волосы. – Может, у меня и вправду галлюцинации начались? Такие назойливые, что даже шляпа не помогает?

– Бывает, – пожал плечами Али, изображая бывалого мужика, который и не такое видел. – Обман зрения или мираж. Мы же в пустыне всё-таки, хоть и в оазисе.

Стемнело быстро. Незадачливые охотники едва успели вернуться с добычей: им действительно попались огненные крабы, благодаря чему они стали настоящими героями дня. Алиша так вообще расцеловала пасынка, что тот выдержал стоически, думая только о предстоящем "небольшом дельце".

Ночной холод проникал в тело даже через одежду. Песок оказался скрыт тонким слоем льда – по какой-то странной причине местные растения, даже покрытые льдом, спокойно переживали ночи, чтобы утром без проблем "размораживаться". Кроме того, начался сильный ветер, предвестник песчаной бури. Чёрные облака заполнили красно-чёрное небо, напоминающее свежую рану, воспалённую, кровоточащую.

Шахрияру всё это мрачное величие представлялось предвестником грядущего несчастья. Сердце сжималось, а руки вздрагивали; ладони покрывались раскалённым потом, несмотря на холод.

Али нахохлился. Как выяснилось, остальные их приятели позорно трусили, закрылись в своих домах и отговорились разными глупостями. Мол, живот болит, холодно и спать хочется. Да и вообще: вы собираетесь удирать, вам и пряность красть. А нам этого не надо. А то вы убежите, а эти караванщики вдруг решат отомстить. Или вернутся спустя год. И что тогда делать? Лишаться выгодного обмена? Ради двух глупцов с ветром в голове?

Шахрияр впервые задумался над тем, насколько его приятели жалкие существа. Как и те люди, среди которых они живёт. Терпят то, что их сыновей и дочерей сманивают и крадут, но сами боятся хоть как-то отплатить за эти преступления.

– Пошли, что ли? – Али весь дрожал, и, кажется, сам был не рад, что всё это затеял. Но отступить мешала гордость.

– Давай, – Шахрияр снова вспомнил о море и решил, что попытается исполнить свою мечту. Всё лучше, чем видеть странные сны, придумывать сказки – будто баба старая или пожилой слепец – и мечтать. И жить среди ничтожных трусов.

Он подумал, что такой шанс ещё когда представится. В конце концов, всё же не одному рисковать.

И всё-таки на сердце было беспокойно.

– Если хочешь, можешь домой уйти, за юбку матери спрятаться, – произнёс Али надменно. Однако эффект портили пляшущие от страха и холода посиневшие губы, ясно виденные в свете кроваво-алой Луны, которая казалась чьим-то недобрым глазом, наблюдавшим за ними.

– Иди сам к мамочке! – огрызнулся Шахрияр. – Я же сказал, что пойду – значит, пойду. Я слово держу, даже если дал его такому идиоту, как ты.

– Ну, как хочешь, – Али по-прежнему делал вид, что ему наплевать, следует за ним кто-то или же нет.

Шахрияр внезапно подумал, что с таким гонором его при-

атель долго не проживёт в большом мире. И если в деревушке его закидоны ещё терпели, то уж чужие люди точно бы высказали всё, что думали. И уж точно не пошли бы вместе с ним на дело. На любое дело. Даже в кусты по-большому.

Шахрияр фыркнул и направился следом за Али. Он твёрдо решил довести дело до конца, даже и со столь ненадёжным, глупым и слишком эмоциональным спутником. Юноша внезапно подумал, что именно Али ещё слишком мал, что именно ему стоило ещё пару годков как минимум подержаться за мамину юбку. Чтобы не наделать глупостей, которые могли бы привести к гибели.

"Если раньше у нас все мёрли от жары и постоянной засухи, то теперь исключительно из-за собственной глупости", – мелькнуло у него в мозгу.

Но всё-таки неадекватное поведение приятеля добавляло беспокойства.

Двое вчерашних мальчишек крались к стоянке каравана. За их спинами крепко спали все те, кто их знал и любил, не подозревая ни о чём. Правда, Алиша беспокойно ворочалась во сне, да и Мустафа под её боком постоянно крутился. Но они не проснулись, поэтому предотвратить бегство сына так и не смогли.

Проходя мимо колодца, недалеко от которого останавливался каждый караван – на месте заброшенной ещё в давние годы части деревушки – они стали двигаться ещё медленнее. Домов там почти не осталось, поэтому в полутьме можно бы-

ло заметить кучку палаток, прижавшихся друг к другу. Погонщики же улеглись спать на мешки со своими вещами, рядом с беспокойно спавшими животными, даже во сне удерживая руки на рукоятках кривых кинжалов.

– Ты слышишь? – Али насторожился, его голос дрожал и ломался. – В колодце словно что-то зашуршало. Но там ведь не мог кто-то спрятаться? Может быть, зверёк какой-то упал и выбраться не может?

Он затравленно оглянулся.

– Кажется, я перенервничал. Представляешь, мне показалось, что погонщики и охранники внезапно открыли глаза и уставились на меня стеклянными, мёртвыми, красными глазами. Кошмар какой! Зря мы всё это затеяли!

– Это ты затеял, а не мы, – задрожал Шахрияр, пытаюсь внушить себе, что дрожь по телу вызвана холодным порывом ветра.

– Да знаю я! – заорал тот, даже ногой топнул, как маленький капризный ребёнок.

– О, давай, ещё покричи! Может, ты ещё не всех разбудил, – начал бушевать Шахрияр. – Какие тебе приключения и подвиги? У тебя ещё материнское молоко на губах не обсохло, молокосос.

– Как ты меня назвал?!

– Как слышал, так и назвал. Или ты у нас ещё и глухой? Ты никчемный, понял? Ничтожество, – Шахрияр сам не знал, что вызвало в нём такую ярость. Возможно, страх?

Ведь впервые в жизни он чего-то боялся так сильно, и это приводило в неистовство. – Сам иди домой, понял? Забейся в угол и плачь. Или попроси своих коз защитить тебя, если родители не смогут.

– Поцелуй меня в зад! Я пришёл сюда не для того, чтобы позорно уйти ни с чем, так и знай. Чтобы ты всё загрёб себе, да? Не получится. Тут моя судьба решается, и я никуда не уйду, даже если сюда припрётся сама Королева Мёртвых!

Шахрияр замолчал. Ему казалось, что все силы ушли на этот бесполезный спор. И ещё он удивился, что они не перебудили весь лагерь, устроив разборки с воплями и проклятиями. Отличные из них воры, ничего не скажешь. Тихие и незаметные, как ночные тени. Да уж!

– Ладно, раз мы уже тут, пошли, что ли, – тихо произнёс Шахрияр, ощущая себя, как в дурном сне. Он и сам слышал, что его голос звучит очень неуверенно. "Зря мы на это решились", – в его душе накапливался страх.

Как ни странно, никто не проснулся. Даже охранники, которые всегда спали более чутко, чем купцы и погонщики, так как от этого зависели их жизни.

Пригнувшись, они прокрались на полусогнутых мимо всего лагеря, пока не дошли до животных. Верблюды расположились на песке, улёгшись на боку, подогнув ноги, прижавшись друг к другу, вызывая у Шахрияра странное умиление. Ему хотелось подойти и погладить кого-нибудь. Выючные мулы, насторожив уши, стояли неподалёку.

– Вот мы и пришли, – прошептал Али и тут же вцепился в ближайшую сумку выючного мула. Стройное и сильное животное стояло на одном месте и смотрело на него глубокими чёрными глазами.

– Давай и ты, – предложил он приятелю.

Шахрияр фыркнул, достал из-за пояса-кошелька небольшой острый нож, который когда-то нашёл в оазисе рядом со скелетированным трупом в истлевшей одежде, и взялся за другую сумку. Второе животное меланхолично стояло на месте.

– У меня перец, – радостно прошептал Али, радостно забыв о недавней ссоре. – Ой, я сейчас чихну! – он и вправду расчихался.

"Неудачливый вор – это судьба", – покачал головой Шахрияр. Ему всё больше и больше казалось, что это просто дурной сон.

– А я нашёл монеты, – сообщил он Али, достав приятно звякнувший кошелёк. – Кажется, это золото. Под светом Луны они кажутся алыми, но это точно не медь. Наверное. Я не умею видеть в темноте.

– Придурок! – выругался Али сквозь зубы, но очень эмоционально. – И зачем я тебя с собой брал? Знаешь, если нас поймают и убьют, это будет только твоя вина, так и знай.

– Давай, поговори ещё. И, желательно, погромче. Может, тебя ещё не все караванщики услышали, – язвительно заметил Шахрияр. – Или кто-то из охранников тугой на ухо!

– Ладно, бери деньги и пошли. Если что, поделимся. Ты ведь поделишься со мной, правда?

– Возможно, – отозвался тот. – И вообще, тебе не кажется, что всё это сон?

– Ты что, какой ещё сон? – возмутился Али.

– Ну, мы стоим посреди лагеря караванщиков, разговариваем чуть ли не во весь голос, а они спят и спят? Или просто давно уже проснулись и смеются над нами? Предвкушая, как они нас схватят и прикончат? Но тогда не ясно, почему они медлят. Или знают, что нам некуда идти: только в пустыню на верную смерть или обратно в деревушку, где просто невозможно затеряться и спрятаться? Разве что под землю зарыться, но мы ведь не огненные крабы, верно? Подожди, – Шахрияр застыл, даже забыв о золоте. – А они все точно живые? Ты их случайно не того... Не убил? Может, в воду что-то подмешал, а? Какое-нибудь ядовитое растение? Или угостил плодами, которые вкусные и свежие, но убивают так же верно, как стрелы и кинжалы?

– Друг, ты пугаешь меня, – пробормотал ошалевший Али. – Но ты прав, есть в этом что-то странное. И неправильное. Или это, правда, кошмар? Поэтому и небо чёрно-красное, и Луна... Тоже неправильная. Давай, я проверю, а? Осторожно подкрадусь к кому-нибудь из каравана и посмотрю, что с ним. И, да, я ничего никому в воду не добавлял. Водой, кстати, твой отец, Мустафа, распоряжается. Или ты на него тоже думаешь?

– Нет, конечно, – покачал головой Шахрияр. – Ему-то это зачем?

ГЛАВА 3

– Ну, как? – прошептал Шахрияр, внимательно следя за манипуляциями слишком нервного приятеля.

– Да вроде живы, только спят странно, с открытыми глазами. И в их глазах красная Луна отражается. Страшно, аж жуть! Посмотреть хочешь?

– Нет, спасибо, я тебе и на слово поверю в этот раз, – мрачно отозвался рыжеволосый юноша.

– Да, спят они крепко. Так, что мы могли бы каждому горло перерезать – а они бы ничего не заметили. Хочешь попробовать?

– Спасибо, не хочу. И тебе не советую, – раздражённо отозвался Шахрияр. – Думаешь, никто ничего не заподозрит?

– А кто что может заподозрить? – искренне удивился Али. – Ну, пропал очередной караван в пустыне, так что? Нашу пустыню и так владением Королевы Мёртвых величают.

– Я не хочу никого убивать! – зло воскликнул Шахрияр. – Кажется, тебе прямая дорога в разбойники.

– Ладно, – уже не стесняясь, Али взял сумку, раскрыл её, засунул в неё свою добычу и распотрошил ещё несколько. – Эту, я, пожалуй, всё-таки смогу уволочь, – тяжело дыша, заметил он, с трудом взваливая набитую монетами и мешочками с пряностями седельную сумку из добротной кожи. –

Может быть, кто-то из наших всё-таки им что-то подлил? Тогда, возможно, кто-то из них прямо сейчас тут шарится, но я никого не вижу. Ладно, пошли уже, – он встал на ноги.

– Подожди, мне показалось, будто я слышал женский голос. Да-да, кто-то зовёт меня! – воскликнул рыжеволосый, взволнованно и растерянно оглядываясь по сторонам.

– Ну, что опять-то с тобой?! – застонал Али, качая головой. – Все тут спят! И нет в караване никаких женщин, кроме той старухи, я специально узнавал. И если в младенчестве, когда с небес падал, ты головой об камень ударился, то лучше из дому вообще не выходи, а то мало ли что померещится.

Шахрияр его не слушал, кругами обходя спящий лагерь и старые каменные дома, напоминающие гробницы. Конечно, им было далеко до древних захоронений фараонов, но в алой полутьме зрелище и вправду было жутковатое.

– Я точно слышал, что она меня звала!

– Она?

– Да, та самая рыжеволосая красавица, которую вы старухой обзываете. Мне назло, наверное. Зачем вы так со мной? Разве не понимаете, насколько это для меня важно? Я же всю жизнь ожидал её зова! И вот она пришла ко мне. Кстати, вот она, стоит возле белого коня с серебристой гривой.

– Это... Это просто ненормально! Откуда тут девушки в белых саванах и с белыми лошадьми неизвестной породы? – бормотал Али, пытаясь то ли сесть на четвереньки, то ли от-

ползти, то ли слиться с местностью. – Давай когти драть, что ли? Кажется, это призрак. Или сама Королева Мёртвых! А ей лучше не попадаться, всем известно, что она людей жрёт. И нас слопает – и не подавится. А её конь наши косточки обгрызёт с громким чавканьем. Ужас, что будет. И глаза у неё жёлтым горят, как у дикого зверя.

Нечаянно глянув на Шахрияра, Али едва удержался от громкого крика, так как у того глаза тоже пылали огненным золотом.

– Кэвин, Кэвин! – звала незнакомка, протягивая длинные – слишком длинные для человека – руки. Полупрозрачная ткань одеяния подчёркивала идеальное тело, которое казалось слишком совершенным, словно статуя из мрамора.

– Люди из лагеря могут проснуться, – дрожащим голосом произнёс Али, у которого ноги вдруг стали слабыми и не могли удержать тело. – Надо уходить.

– Я не могу, – покачал головой упрямец.

– А если проснутся? Они нас прикончат, Шахрияр!

– Нет, никто не проснётся, я знаю, – спокойно отозвался тот. – И это не моё имя. Ты что, не слышал, как она меня называет? Я Кэвин! И я её сын. Королева мёртвых – моя мать. Я больше не принадлежу никому из вас. Я должен вернуться домой. А ты можешь уходить.

– Как знаешь, – Али ощутил, что ноги снова обрели силы. Схватив свою сумку, наполненную добычей, он стремглав кинулся в деревушку, не таясь. Только на бегу он ощу-

тил, как сильно замёрз. И только бег помог ему восстановить кровотечение в замёрзших конечностях. Добежав до дома, он с чувством облегчения забежал внутрь, убедился, что его родители спят, отправился в свою комнату, которую делил с домашними животными и, швырнув сумку в угол, закутался в тёплое, на меху, одеяло. Через мгновение он уже спал сладким сном.

Повернув голову, Кэвин увидел женщину, стоявшую уже рядом с ним. Она на самом деле выглядела жутко, как те демоны, о которых он рассказывал разные истории, или шайтаны, или джины. Нечисть, в общем. В ней не было ничего человеческого. Даже красота её была устрашающей. Слишком стеклянным казался блеск жёлтых глаз, которые вызывали ассоциации с масляными светильниками, горящими во тьме, слишком холодными были пальцы, которыми та сжала его плечо. Её волосы пахли шафраном и апельсинами, драгоценным мускусом.

И всё-таки она была его настоящей матерью. И он любил её куда больше доброй и нежной Алиши, которая посвятила ему молодость и вложила душу.

– Мама, – он осторожно положил голову ей на хрупкое плечо. – Забери меня домой.

Он был уверен, что она так и сделает. Ведь она же искала его, верно? Все эти годы. Поэтому и не появлялась раньше. Наверное, его похитил какой-нибудь джинн, а она использовала все свои магические силы, чтобы его отыскать. Иначе

и быть не могло.

– Нет, ещё не время, – женщина покачала головой и равнодушно отстранилась. – Возьми, – она протянула ему две части медальона в виде распахнувшей крылья чёрного грифа на золотом фоне. Неровные края медальона мешали соединить его. И в каждой его руке оказалось по обломанному крылу.

Так и Кэвин себя чувствовал: птицей со сломанными крыльями.

– Что мне нужно делать? – серьёзно спросил он, вновь поднимая на неё взгляд. Ведь и в тех сказках, которые он любил слушать и придумывать, героя ожидали испытания, пройдя которые можно было заполучить всё: полцарства, прекрасную принцессу и корону.

– Когда-нибудь обе части медальона можно будет объединить в единое целое. И тогда ты сможешь попасть в мой – наш – мир. Но пока тебе нет туда ходу. Ты не достоин.

– Что мне нужно сделать, чтобы стать достойным? – с нажимом спросил Кэвин.

– Узнаешь со временем, – женская фигура растаяла. Белоснежный конь тоже растворился, будто стал частью надвигающегося рассвета.

А ведь он, дурачок, полагал, что лошадь была предназначена для него, чтобы он смог уехать вместе с матерью!

"Ага, с той, которая пыталась убить тебя. Да, Кэвин? И это ей почти удалось. Но ты всё равно её любишь. Потому

что правы твои приятели: именно ты среди них самый большой дурак. Наивный глупец, которому любая цыганка, любой сладкоречивый купец запудрит мозги в два счёта".

На миг Кэвин застыл, раздумывая, стоит ли вернуться в деревушку, которую он уже не мог считать своим домом. Ему на самом деле этого хотелось, но мешало чувство, что он предал приёмных родителей. И они об этом узнают по его винноватому взгляду и опущенной голове. Даже если он не скажет ни слова, а Али будет молчать.

Пожав плечами, он нагнулся, взял свою сумку, которую Али почему-то не захватил с собой, затем отвязал одного из верблюдов, вытащил из палатки, где неподвижно лежали погонщики, мешок корма для животного и припасы для себя, прикрепил седельную сумку и взгромоздился в седло.

Следовало торопиться, он был почти уверен, что странный сон, навеянный Королевой Мёртвых, скоро пройдёт, раз она сама исчезла.

Ехал он долго. Пустынные волны стали огненно-алыми под лучами восходящими солнца. Его мучили кошмары. Он иногда умудрялся засыпать на спине мерно передвигающего длинные сильные ноги верблюда.

Во сне над ним летал тот самый хищный грифон, изображённый на талисмানে. Только во сне птица была очень боль-

ной, измождённой, с воспалёнными оранжевыми глазами.

"Ты наследник, – говорил во сне чёрный грифон, кружась над ним. – Ни живой, ни мёртвый. Наследник и хранитель кладбищ. Ха-ха, смешно, правда? Вместо бесчисленных богатств – груды костей. И всё это твоё. Можешь построить собственный дворец из остатков мертвецов".

Затем ему привиделся тот самый дворец, только построенный не из костей, а из каменных блоков. Все входы в который защищала охрана, совсем не похожая на обычных людей. Некто вроде оживших сфинксов со сверкающими глазами.

Мощные тела с головами животными смотрелись устрашающе, а слишком длинные руки с мощными мускулами и острыми звериными когтями сжимали внушительных размеров мечи, либо двуручные секиры. Их лезвия слепили в ярком свете палящего солнца, всегда находящегося в зените. И почему-то в полубредовом сне Кэвин был уверен, что видит расу Хранителей, искусственно созданную первыми магами давно ушедшего в легенды народа с янтарным цветом глаз и огненным – волос.

Пустыня была милосердна к нему, поэтому он не остался в ней навечно в виде высохших останков. Его миновали песчаные бури, разбойники и армии постоянно враждующих властителей. Он не погрузился с головой в серповидные барханы, преодолел все препятствия и даже не увидел ни одного миража.

А затем, когда его мечта сбылась, и он очутился возле самого настоящего города, погрузившего его с головой в новые ощущения, включая слишком шумных жителей и визгливых животных, – он застыл на месте, ощущая себя чужаком.

Ему казалось, что темнокожие люди, выглядывающие из светлых каменных домов, протыкают его взглядами, будто острыми мечами.

А многочисленные люди, скопившиеся в большом количестве возле рынка, постоянно оглядывались на него. Будто он действительно являлся чужеродным элементом в их, пусть не идеальной, но давно привычной картине мира.

Рассвет окутывал дымкой оранжевое светило, и сочетание ещё не наступившей дневной жары и ночного холода несказанно бодрило. И он готов был, высоко подняв голову, начинать преодолевать очередные препятствия в своём долгом пути странника.

Ему внезапно вспомнилась легенда про странствия Одиссея. Тот, в конце концов, очутился на родине спустя долгие годы и заполучил желаемое: царство и помолодевшую супругу благодаря чарам Афины. Впрочем, насколько он понял, покоя Одиссей всё равно не получил, а позже его по ошибке убил собственный сын от нимфы Калипсо, долгие годы державшей мужчину в сладком плену у себя на острове.

Кэвин твёрдо пообещал сам себе, что пройдёт через все испытания, чтобы стать достойным и войти в собственное царство победителем.

Он задумчиво провёл взглядом связанных друг за дружкой, медленно шагающих рабынь в тонких одеждах и газовых покрывалах, которых подталкивали в спину угрюмого вида громадные мужики, вооружённые до зубов. И начал прикидывать, чем бы заняться.

Слишком большое количество возможностей разрывало его на части. Хотелось всего и сразу. И одновременно – ничего.

Кэвин стал раздумывать, как бы так продать украденные пряности, чтобы его не обдурили и не взяли под стражу, как вора. Или не попытались отнять всё, что у него есть, силой или хитростью.

Оставив верблюда под присмотром молчаливого седого мужчины в конюшне за несколько мелких монет, он долго бродил по узким улочкам города, похожим и не похожим на его родную деревушку, где он провёл детство, но так ничего и не решил.

И уже подумывал отправиться куда-то ещё. Пустыня показалась ему гораздо более привычной и приветливой, а от мысли, что вокруг нет ни одного человека, с кем можно было бы просто поболтать по-дружески, сжималось сердце. Ему подумалось, что в пустыне он никогда не чувствовал себя одиноким, а вот в городе с множеством местных жителей и говорливых приезжих – довелось.

– Юноша, стой! Да, ты, рыжий! – внезапно донесся до него молодой мужской голос. Кэвин растерянно оглянулся, вне-

запно подумав, что встретит кого-то знакомого. Из тех, кто сбежал из деревушки, но смог стать путешественником, а не рабом.

Молодой мужчина, который его окликнул, оказался незнакомцем. Но, встретившись с ним взглядом, приветливо кивнул и поманил за собой к двери ближайшего трактира.

Кэвин сам заплатил за пиво, которые выпил впервые, хотя много слышал об этом напитке. Дрянное пойло всё-таки утоляло жажду и вскоре заставило улыбаться почти как раньше. Когда он был просто беззаботным деревенским юнцом и совершенно ничего не знал о своём прошлом.

Деревянный стул натужно скрипел под ним, а каменный потолок с почерневшими от времени деревянными балками и скудным освещением в виде огрызков свечей вызывал странное расслабление, навевал покой.

Усталая девушка приняла заказ, но с интересом кинула на него несколько косых взглядов.

Кэвин безразлично глянул на неё – встретившись с ним взглядом измождённая тощая девица вздрогнула всем телом и едва не упустила поднос с глиняными кружками и тарелками, и устоял на своего неожиданного спутника, с нетерпением ожидая, во что его попытаются втравить.

По крайней мере, это неожиданное событие остановило начавшую депрессию.

Незнакомец выглядел весьма колоритно: в широких штанах, короткой безрукавке на голый торс, и в тонких туфлях с

загнутыми носами, которые едва не сваливались с него при каждом шаге. На голову он натянул высокую белую чалму.

А сам молодой мужчина напомнил Кэвину его давних приятелей по деревне: худощавый, жилистый, насквозь пропечённый солнцем брюнет с карими глазами и густыми бровями. У него был явно когда-то сломан нос, а щёку пересекал побелевший от времени шрам.

Он выглядел... обычным. Не красавцем, но и не уродом. Однако было в его глазах что-то яркое, какие-то огненные искры, жажда странствий и приключений.

Резкие жесты, слишком широкая улыбка и прямой взгляд притягивали внимание и вызывали лёгкую приязнь. Впрочем, Кэвин, ещё в свою бытность Шахрияром, никогда не был особенно дружелюбным и редко с кем сходилась, несмотря на то, что часто становился центром любой компании.

– Я вижу, ты приезжий? – прямо спросил он, отпив пива из своей кружки и явственно скривившись. – Это моча осла, а не пиво! Впрочем, мало где можно найти что-то на самом деле пристойное. В любом городе почему-то считают, что путешественникам можно подавать кошек под видом кроликов, и спаивать всякую дрянь, которую местные и в рот не возьмут, разве что нищие. Можно подумать, я никогда не пил дорогих вин с самым настоящим падишахом! Хотя ладно, тот тип, который выдавал себя за переодетого властелина всех земель в округе, делая вид, что по ночам проверяет, как живёт его народ, скорее всего был мошенником, – махнул он

свободной рукой. – Но с ним было весело, да, – протянул он задумчиво, уставившись на свечу в подсвечнике на деревянном столе.

– Да, я сегодня приехал, – не стал врать Кэвин и обхватил пальцами кружку, чтобы убедиться в её реальности. Пока он путешествовал по пустыне, ему снились такие яркие и странные сны, что нужно было обозначить границу между мечтами и явью. Ему хотелось добавить что-то про то, что он практически недавно заново родился, но он сдержался. Не то, чтобы боялся прослыть психом, просто привык самое важное держать в себе.

– И кто ты такой? – неожиданно внимательно уставился на него мужчина, словно пытаясь увидеть саму его суть. Он сложил руки на столе и переплёл пальцы, а на них положил подбородок.

– Никто, – ответил Кэвин, борясь с желанием отвести взгляд. Будто у него было, что скрывать. Хотя да, было. – Сейчас я иду по новой дороге, – пояснил он, увидев, как собеседник высоко приподнял брови.

– Я ищу моряков на своё новое судно, – мужчина почему-то скривился. – Очередной новый корабль, – пробормотал он и вновь взялся за кружку, будто стремился обнаружить на её дне несметные сокровища. – И если ты не боишься проклятья Синдбада Морехода...

– Кого-кого? – прыснул Кэвин в кружку. – Ещё скажи, что того самого – из сказки. Ему внезапно подумалось, что он

точно нигде не пропадёт, так как везде есть люди, охочие до выдуманных историй. Впрочем, он не был уверен, что на этом можно заработать. Даже караванщики, которых он частенько развлекал, были не очень щедрыми. Он слышал истории о стариках, чаще всего слепых, которые путешествовали по городам, обычно в компании с каким-нибудь сироткой, собирая милостыню. И они тоже интересно рассказывали, а также играли на различных музыкальных инструментах и пели.

Нет, такой судьбы он себе точно не желал! Да и петь никогда не пробовал, и не был уверен, что его не закидают камнями, если он попытается.

А ему нужно было как-то продержаться в этом мире, пока его не заберут домой.

– А что, про меня уже истории сочиняют? – потёр подбородок мужчина с озадаченным видом, машинально пощипал отросшую щетину. – Наверное, и анекдотов насочиняли.

– Так что все, все эти сказки – правда? – изумлённо спросил Кэвин, вновь ощущая себя почти прежним ребёнком, который ещё ничего о себе не знал, и просто жил, наслаждаясь нехитрыми радостями.

Он ещё раз оглядел собеседника, но ничего особо героического в нём не заметил. Нет, его сильные, мозолистые руки в шрамах и царапинах показывали, что он не чурался драки и умел сражаться. На его поясе висел небольшой кинжал в ножнах – точно не для украшения.

Но выглядел он молодым и слишком обычным.

– Понятия не имею, какие истории ты обо мне слышал, – пожал тот плечами с беспечным видом. – Но вот проклятие – да, существует. Довольно часто корабли, на которых я плаваю, идут ко дну. И чаще всего спасаюсь я один. Так что, подумай, готов ли ты пойти на риск. Но если ты истинный искатель приключений, то не отступишься! – с горящими глазами уставился на него Синдбад. Ну, или скорее тот, кто себя за него выдавал.

Не то, чтобы тот его на самом деле воодушевил... Но Кэвин вдруг ощутил внезапное и сильное желание наконец-то сменить надоевшую пустыню на море или даже на океан. Синий, бескрайний, чудесный, будто небеса спустились вниз и облагодетельствовали смертных вечным покоем и прохладой.

И ещё ему пришло в голову, что эта встреча тоже может быть одним из испытаний – почему нет?

– Согласен попробовать, – ответил Кэвин, пожимая тут же протянутую ему руку и отвечая лёгкой улыбкой на широкую улыбу обрадовавшегося Синдбада. – Проклятий я не боюсь, – признался он, пожимая плечами.

– Как тебя зовут? – деловым тоном спросил его наниматель, подзывая подавальщицу и заказывая ещё пива .

– Шахрияр или... Кэвин, выбирай сам, – развёл он руками.

– Забавно, – хмыкнул тот и залпом допил остатки своего

пива. – Давай допьём быстренько свеженькое, а потом и на корабль. А чего тянуть? Приключения сами с собой не случаются, знаешь ли.

– А мне ещё нужно от верблюда избавиться, – произнёс Кэвин, на которого испуганная служанка едва не пролила пиво. Ему даже стало интересно, почему он настолько сильно её напугал. Вроде бы страшных рож не корчил, немедленную гибель не пророчил и даже за тощую задницу не хватал.

– Да ничего, продадим, – отмахнулся Синдбад. – Это я умею, сделаем по-быстрому. Вообще никаких проблем, только держись меня!

Синдбад шагал рядом с новым членом его команды, стараясь не упускать его из виду. И надеялся, что всё у них "срастётся", и что новичок принесёт удачу. И что очередное плавание не закончится уже привычным образом, когда корабль ломается на части посреди моря, а все товары оказываются на дне. А он сам спасается на какой-нибудь доске, которую уже впору называть любимым и родным домом.

А все остальные члены команды либо погибают в солёной воде, либо идут на корм акулам или иным людоедам.

Правда, что-то в золотистых глазах напрягало выдавшего виды, несмотря на молодой возраст, купца. Жидкое золото будто разливалось в радужке лавой, сжигая все эмоции, все чувства, уничтожая всё вокруг. Казалось, что он может убить одним только взглядом или, как минимум, проклясть. Несмотря на то, что среди его знакомых дурным глазом счи-

талась голубая радужка.

– Красивое кольцо, кстати, – Синдбад дотронулся до широкой ладони.

Тот вздрогнул и непонимающе уставился на него: – Какое кольцо?

– Это самое, что на тебе сейчас. Забыл, что ли? – хохотнул мужчина, хлопая его по раскрытой ладони. – Пить надо меньше!

Кэвин задумчиво уставился на правую руку на указательном пальце которой красовалось широкое серебристое кольцо-печатка с едва заметным выгравированным изображением чёрного грифа. А ещё в пальцах оказалась зажата чёрная жемчужина, которая вообще непонятно откуда взялась.

– Да так, подарок девушки, – криво усмехнувшись, заметил он и отправил жемчужину в карман, сначала проверив, не было ли в нём дыр. Потерять драгоценную вещицу не хотелось, хотя Кэвин понятия не имел, с чего вдруг его расколотый на две части медальон так странно изменился.

– И правда, забыл. Зато теперь вспомнил.

– Дрянная тут выпивка, – сочувствующе улыбнулся Синдбад. – Мозги отбивает напрочь. Так и имя своё забыть можно. Вот и у тебя откуда-то второе появилось.

– Да-да, – рассеянно ответил Кэвин, поворачивая запястье, чтобы получше разглядеть новое украшение.

ГЛАВА 4

– Али, где Шахрияр? – Алиша схватила высокого парня за грудки и едва не трясла. Неподалёку Мустафа стоял молчаливой поддержкой.

Парень лишь сглатывал, отчего кадык на загорелой, тощей шее дёргался. Он не отвечал.

– Скажи мне, где мой сын! – она кусала губы и ломала руки. – Его караванщики сманили или украли, да? Отвечай!

– Нет, – тот отвёл взгляд. – Караванщики все заснули тяжёлым сном, и не все из них проснулись. А когда увидели, сколько из них умерли этой ночью, сбежали как можно скорее. И, кажется, больше никогда не вернутся. Но за ними уже спешит песчаная буря, чтобы они все навеки остались погребёнными, – странным тоном говорил он, глядя в пустоту. – Необходимая жертва для прихода богини в наш мир.

– А что мой сын? – продолжила допрос Алиша.

– Мы с ним хотели их ограбить. Это я придумал! – признался парень, высокой задирая подбородок. – И даже сумку с пряностями домой уволок, половина ваша, так как это доля Шахрияра. А куда он делся, не знаю, – перевёл тему явно не пришедший в себя Али. – Он всё какую-то женщину высматривал в белом покрывале, которую никто не видел. Сказал, что она его мать. Так что я думаю, что он ушёл домой,

да, – пожал плечами Али. – Я сам чудом выжил, так как это была мёртвая принцесса, владычица семи покрывал. Так что я сбежал. Этой твари в лапы попадаться – дурных нет!

– Значит, предсказание этой мёртвой ведьмы Эсмеральды оказалось правдивым, – Мустафа тяжело опустился прямо на землю. Он видел, как многочисленные растения, появившиеся после появления в их селении найдёныша, мгновенно вянут и распадаются в прах. Лишь то дерево, под которым он когда-то нашёл Шахрияра, расцвело и дало невиданные плоды. Он откуда-то знал, что это – последний дар существа, которое лишь притворялось человеком. Но всё-таки что-то испытывало к ним, иначе деревню уничтожила бы очередная песчаная буря.

И всё-таки Мустафа ощутил всем своим существом надвигающуюся опасность.

– Жена, собираемся. Мы отправляемся в город, – тяжело вздохнув, заговорил мужчина, ощущая всю тяжесть старости, внезапно обрушившуюся на его плечи. В том возрасте, когда даже мужчине нужно уже отдыхать, ему нужно было начинать новую жизнь. Он бы и не нашёл на это сил, если бы не жена, которая всё ещё держала его на этом свете, не позволяя опустить руки и просто сдаться.

– В какой ещё город? – Алиша уставилась на него дикими глазами, в которых читалось её убеждение в том, что он рехнулся от горя.

– В какой доберёмся, – ворчливо ответил он. – Тут оста-

ваться не стоит. Нужно собрать тех, кто готов уйти... Всё равно большинство мечтает удрать с караванщиками. А так мы сможем составить свой караван и отправиться на поиски новой жизни. Если нам позволят уйти, конечно.

– Где же наш сын?! – Алиша заломила руки, с трудом сдерживая слёзы.

– Он ушёл, – буднично ответил Мустафа, ощущая, как сердце переворачивается в груди.

– Куда?! – воскликнула женщина, всплёскивая руками, вновь глядя на него, как на безумца.

– Домой. Куда же ещё, – нахмурил он брови. – Что ж, возможно, Шахрияр – это наше проклятье. Но он подарил нашему селению спокойные годы, воду и сытую жизнь. Но любые дары когда-нибудь иссякают.

Как ни странно, но все жители деревни поверили Мустафе. Они собрали вещи, животных, нескольких верблюдов, которых обменяли на фрукты и воду у караванщиков. Те отдавали им больных, умирающих животных, не зная, что Шахрияр мог вылечить любую тварь.

Молча и не оглядываясь отправились прочь, нагружившись вещами.

Мустафа и даже Алиша откуда-то знали, что брошенное селение станет опасным местом, населённым призраками давно умерших жителей. И ведьма Эсмемальда восстанет из высохшей водяной могилы и возглавит армию мертвецов, которые теперь будут подстергать караванщиков и банды

разбойников. Они станут собирать кровавую дань для сына мёртвой принцессы.

Не все они выжили, но песчаные бури уничтожали разбойников, которые планировали напасть на маленький караван, а им позволяли двигаться дальше, к городу, где их никто не ждал. И где судьба их станет ничуть не лучшей, чем раньше. Нищета, работа за гроши, смерть от истощения и болезней. Никому из них боги не даруют долгой жизни.

И до конца своих дней Алиша и Мустафа будут скучать по приёмному сыну, вспоминая счастливые годы, которые он им подарил.

Кэвин наконец-то признался сам себе, что путешествовать – это не так уж интересно и весело, как он себе нафантазировал, наслушавшись сказок. В этих историях не описывалось, как тошнит во время шторма, как сыро в трюмах, где постоянно скапливается солёная вода, как воняют матросы – и он сам – когда вода на вес золота и мыться совершенно невозможно.

Как воротит от запаха крови пиратов, когда приходится оборонять от них собственный корабль со странным названием "Летящая русалка". Ведь многие слышали легенды не только о вечных неудачах Синдбада Морехода, но и о бесчисленных богатствах, которые ему всегда удавалось приво-

зить с любого, даже самого неудачливого – для всех остальных – плавания.

И как сложно убивать других людей, пускай и враждебных, особенно осознавая, что ты – чудовище. И должен наслаждаться кровью и смертью. Но он не то, чтобы не мог – просто не хотел. Потому что, несмотря на то, что мечтал вернуться домой, он не хотел становиться монстром, как мать. Пусть и любил её безмерно.

Зима в Греции, как оказалось, это скучное, грустное и унылое зрелище. Ветер будто собирался сдуть всю одежду, а ноги вязли в мокром снеге и слякоти. Из каюты лучше не вылезать лишний раз, несмотря на спёртый воздух и давно приевшуюся вонь – сразу промокнешь. Либо от мелкого, ледяного дождика, либо от буйства морской стихии. Морю, кажется, тоже не нравился холод.

И оно всю демонстрировало испорченное настроение и дурной нрав.

Промозглая осень стала ему в новинку. Кэвин помнил лишь жару, да ночной холод в пустыне. А вот дождь всегда казался ему слишком большой тратой драгоценной влаги. И поэтому раздражал ещё больше. Словно какой-то богач из сказок решил повыбрасывать из окон своего дворца всё своё добро.

И всё-таки он выбрался наружу, отказавшись от предложения нового, а поэтому желающего выслужиться и подружиться с остальными, матроса угоститься вкусным вином,

которое изготовила его девушка по какому-то особому рецепту. Знал он девушек да их загадочные рецепты... Обычно мерзкое пойло получалось, а затем бедный юноша стремился хоть кому-то его сподать, чтобы свою красавицу не расстроить.

А то ведь просто вылить влюблённость и совесть не позволяли. Да и добро переводить ни один матрос не собирался. Да даже помощники капитана и сам он никогда угощениями не брезговали, пусть даже потом от различных желудочных хворей страдали.

Кэвин отправился на берег и застыл, глядя на изящные линии корабля на фоне серого неба с тяжёлыми чёрными тучами, обещающими не просто дождь, а ливень. И задумался о том, что корабль ни разу не разбился за все те годы, которые он провёл на судне. Так что, к удивлению Синдбада, уже начал постепенно ветшать, так что капитан уже задумался над тем, чтобы приобрести новый. Но пока что опасался, считая, что это судно счастливое им попало.

Мужчина уставился на линию горизонта, соединяющую море и небеса, и задумался о том, что он как был неприка-
янным, никому не нужным, и никому не принадлежащим, таким и остался спустя долгие годы.

Он старался не считать года и не думать о том, сколько ему лет. Правда, Синдбад, почти единственный, кто оставался неизменным в постоянно меняющейся команде: кого пираты убивали, а кто просто сбегал на берег или отправлялся

домой, заработав достаточно денег, выглядел почти старым.

Практически, как его приёмный отец Мустафа. Жгуче-чёрные волосы уже стали серебриться, и не только на висках. Синдбада до слёз смешили собственные седые усы, а вот Кэвину не было смешно. Так как в его оплывших чертах лица он видел собственную старость.

Хмыкнув, Кэвин признался самому себе, что ему уже пятьдесят лет, а домой он так и не вернулся. И на корабле будто постоянно зависал между небом и землёй, между жизнью и смертью.

Услышав, что кто-то бежит, Кэвин резко обернулся, но это оказался лишь странный паренёк Сизиф. Худой, болезненный – в чём только душа держалась? – он стал одним из матросов. Легко поддавался льстивым и завлекательным речам Синдбада, да и сам мечтал о приключениях, как и многие юноши. А затем не только выжил на протяжении нескольких месяцев, но и сумел всё бросить. Правда, это случилось ещё и потому, что отец Сизифа внезапно скончался и оставил ему немаленькое состояние.

Так что пареньёк быстро взялся за ум, не без помощи матери, которая наконец-то взялась за него всерьёз. Собственно говоря, в этом порту они остановились ещё и потому, что их всех Сизиф пригласил в гости и обещал пир горой.

А Синдбад решил, что команде пора развеяться, чтобы бунт не начался. И чтобы силы моряков не истощились раньше наступления очередной заварушки или бури.

– Привет, а я тебя очень ждал! – со своей обычной горячностью и бесцеремонностью заявил он, хлопая его по плечу. Кэвин поморщился, но стерпел, так Сизиф почему-то решил, что они – друзья. А ему было просто лень объяснять глуповатому пареньку, что он дружит только с Синдбадом. Потому что привязался к нему за долгие годы. Тот являлся для него некой константой в этом зыбком мире ускользающих возможностей и различных случайностей, которые могли либо возвести на гребень богатства и славы, либо потопить в морских волнах.

Впрочем, на фоне презрительного отношения остальных матросов и помощников капитана к бывшему юнге, которого считали "сухопутной крысой", он действительно относился к парнишке неплохо. Просто не замечал.

Кэвин лишь неопределённо хмыкнул, потому что так и не научился отвечать на чьи-то проявления чувств. По этой причине, как считал Синдбад, и не забывал поучать каждый раз, когда напивался, у него не было постоянной девушки. Впрочем, Синдбад честно признавался, что не хотел бы терять столь опытного морехода из-за банальной женитьбы. И по этой причине вроде бы не женился сам, хотя ходили слухи, что у Синдбада было несколько жён, которые погибали слишком рано. И каждая такая смерть была связана с очередным опасным приключением купца.

"Я женат на море и храню ему верность", – однажды совершенно серьёзно заявил Синдбад. Кажется, они тогда об-

суждали прелести какой-то принцессы, которая однажды тайком прокралась на их корабль с каким-то важным делом к самому владельцу судна. Впрочем, Кэвин был уверен, что это – не принцесса, а одна из жён шаха. Или просто рабыня, лишь разодетая в пух и прах.

Тогда же он, подливая собутыльнику ещё рома, с насмешкой заметил, что потому-то Синдбад и не связывает себя узами брака, что на каждой остановке в порту, наслушавшись легенд о его приключениях и подвигах, на корабль незаметно пробираются самые разные женщины. Некоторым даже приходится стоять в очереди!

И ему тоже иногда выпадало счастье остаться с одной из таких прелестниц наедине. Благо, что Синдбад давно предоставил ему отдельную каюту. Пусть крошечную, даже меньше его комнаты в селении, но его собственную!

С женщинами он давно научился обращаться. Это было несложно, так как моряки всегда находили злачные места, где можно как следует разгуляться: с выпивкой и доступными женщинами.

– Ах ты, бешеный демон! – с этими словами Сизиф крепко обнял его длинными руками с широкими ладонями. Нескладно нелепый, с широкой улыбкой, которая не делала его удлинённое лицо с маленькими глазками краше, он не был ни обаятельным, ни милым. И, возможно, поэтому Кэвин с ним и общался, так как ему было просто его жаль.

Они прошли до каменного с деревянными элементами до-

ма, которым Сизиф явно очень сильно гордился.

– Вот и я женился, – он улыбнулся, открывая перед ним двери. – Когда-нибудь и ты... – добавил он фразу, которой подкалывали Кэвина матросы и юнги, да и сам Синдбад любил сказать тоже самое, хитро прищурившись. Однако осёкся, словно осознал, что перед ним давно уже не юноша.

– Да-да, когда-нибудь и меня не минует чаша сия, – он хлопнул его по плечу и вошёл за ним следом в дом, где пахло сыростью и царила полутьма. – И как тебе в твоём родном гнезде на Итаке? Уже не мечтаешь встретить самую настоящую птицу Рухх в очередном плавании? – усмехнувшись, поинтересовался Кэвин, изо всех сил стараясь казаться дружелюбным.

Не то, чтобы ему было хоть какое-то дело до парнишки.

– Как тебе сказать... – Сизиф побледнел. Он редко краснел, обычно кровь откатывалась от щёки, будто волны от прибрежных скал. – Понимаешь, Шахрияр...

Кэвин поморщился, так как не любил, когда вспоминали его второе имя, которое вызывало на языке терпкое чувство вины. Будто он съел что-то протухшее. И он сразу вспоминал и тот караван, который почти целиком невольно обрёл на смерть, пусть и не сам, а из-за пагубных чар его матери. И цепочкой, каждое звено которой было тёмным и ржавым, сразу вспоминались и приёмные родители (скорее всего, уже давно покойные), его приятели, с которыми он провёл так много беззаботных дней. И селение. И родная мать-убийца,

отвергшая его.

Юноша смутился и отвёл взгляд:

– Мне вроде как неместно заниматься подобным, ведь я – состоятельный купец. А Итака хоть и представляет собой скалы и болото, но это мой дом. И я женился, как тебе уже известно, – он развёл руками. – И я не хочу, чтобы супруга каждый раз, когда я отправляюсь в плавание, переживала, что я утону где-нибудь или меня русалка сожрёт. Либо же пираты зарежут. Слава Гермесу, сейчас у меня достаточно денег, чтобы посылать за товарами в чужеземные края кого-нибудь другого. Хотя это и скучно, но зато безопасно, – он снова развёл руками, будто предлагая оценить то, что их окружало. То, что удерживало Сизифа в Итаке надёжнее, чем якорь судно.

Будто услышав, что говорят о ней, а, возможно, и подслушивая, из гинекея вышла очень некрасивая молодая женщина с выразительными и грубыми чертами лицами, которые часто встречались у греков, с небольшими недобрыми глазами, напоминающими чёрных жуков, копошащихся в отходах, крупными губами и выделяющимся носом.

Волосы у неё были густыми и жёсткими и будто пытались вырваться из кос, чтобы придушить незваного гостя.

Кэвин достаточно научился разбираться в женщинах, чтобы мысленно посочувствовать знакомому. Он сразу понял, что женщина обожает сплетничать, жаловаться на жизнь, обсуждать недостатки мужа и постоянно выставять себя

жертвенным ягнёнком. При этом попрекать мужа абсолютно всем, чтобы держать в мощных тисках абсолютной женской власти.

Но совсем юная девушка изображала смирение, демонстрируя уже увеличившийся живот.

– Моя драгоценная супруга Гера, – представил Сизиф девушку, раздуваясь от гордости. – А вот этот подозрительно выглядящий тип – хороший человек и друг. Только благодаря ему я на "Летающей русалке" жив остался во время очередного налёта пиратов... И не утопился в море от "приятного" отношения ко мне других моряков.

Кэвин кивнул, показывая, что заметил девушку. Ему внешне вспомнилась сказка про злую мать, которая подбирала сыновьям как можно более уродливых жён, чтобы те её слушались.

Кэвин ушёл как можно скорее, чтобы только не смотреть на кривящую губы и злобно смотрящую на него женщину. Смог сбежать под предлогом сбора остальных для пира, который Сизиф обещал устроить.

Но проходя около окна, услышал то, что его ушам явно не предназначалось.

Несмотря на начавшую грозу, яркие молнии и гром, он, к своему сожалению, прекрасно расслышал каждое слово очередной ссоры молодых супругов.

– Ты никогда меня не слушаешь! И мать свою не слушал, мир её праху, – начала заводиться женщина.

– Чего ты хочешь? – устало, с нотками покорности, ответил Сизиф.

– С чего вдруг ты решил устроить этим нищим матросам пир горой? Они к тебе плохо относились, ты сам это говорил! Да и Синдбад – тот ещё проныра и мошенник, все об этом знают. Да и этот твой дружок очень неприятный, у него глаза жуткие, словно в царство Аида заглядываешь. Да и все знают, что если свяжешься с шайкой Морехода – то сгинешь вскоре! Да и если пригласишь к нам всю эту ватагу, то вино наше если не выпьют, то разобьют драгоценные амфоры. И всё утащат, что смогут. А нас ночью прирежут. Да и соседки уже начали коситься на меня, когда узнали, с кем ты связался. Лидия вот вчера мимо прошла, даже не поздоровалась, будто я пустым местом стала! Выгони их всех, пока поздно не стало!

Хмыкнув, Кэвин подумал, что Гера здорово напоминает корову... А у верховной богини Геры воловьи глаза. Правда, у этой девицы глаза не были красивыми. Так что у коровы она взяла – в отличие от волоокой жены громовержца – только неприятный голос, напоминающий мычание.

Лучше бы, конечно, глаза, но ей не повезло.

А вообще ему тут стало тоскливо и даже мерзко: серые небеса, скучный остров с грудой камней со всех сторон, серый дом – ничуть не лучше того, в котором он когда-то жил.

А ещё животные в округе начали подавать звуки, боясь грозы. Так что голос Геры отлично влился в это многоголо-

сье.

Он криво усмехался уголками губ и радовался, что сам не женился. Такой камень на шее ему точно не был нужен!

Невольно он сжал руку с кольцом, к которому один ювелир прикрепил чёрную жемчужину, хотя и сказал, что получилось очень уродливо. Впрочем, ему было важнее, чтобы эти два элемента снова оказались вместе. Пусть и не так идеально, как раньше.

Словно отголосок давно пропавшего символа свободы.

Внезапно, заглядевшись на небеса и едва не ослепнув от яркой вспышки молнии – и чуть не оглохнув от жуткого грома – Кэвин осознал, что беда подбирается к этому месту. Смерть крадётсЯ на мягких лапах дикого зверя.

Перед тем, как навсегда остаться в собственном богатом доме, Синдбад научил его кое-чему. А затем продал втридорога судно (вместе с командой, которой просто не было куда уходить) главному помощнику Али ибн Хусейну.

Кэвин воспринимал откровенность старика как попытку извиниться, что он не отдал корабль ему. Однако Кэвину никогда не хотелось обзаводиться собственностью. Поэтому и кутил больше всех в портах, разбрасывая монеты, как безумец. И потому остался в свои пятьдесят лет гол как сокол.

Синдбад научил его превращаться в пуму. И сейчас, обратившись в дикого зверя, Синдбад зарычал, задрав морду вверх. Глупые слова вздорной девки уже не интересовали его. Да и зверь их не понимал, хотя продолжал слышать. Он

вскарабкался на каменистый холм, который позволял одновременно увидеть и домик Сизифа и его жены, и корабль.

А ещё он увидел нестерпимо сверкающую золотистую лодочку, в которой гребла одним веслом удивительной красоты молодая женщина: с рыжими, словно золото, вымоченной в крови, длинными волосами; с глубокими жёлтыми глазами; с холодной улыбкой на давно мёртвых устах.

И Кэвин знал, как никто иной, что ей требуется жертва, чтобы попасть в этот мир. И оставить дорогу для него. По крайней мере, он на это надеялся. Потому что ощущал себя жутко уставшим от жизни, людей, мерзостей, постоянно происходящих вокруг. Подвигов, от которых уже тошнило. И от чудес, которые вызывали лишь скуку.

Перед ним предстал нелёгкий выбор... Который он уже сделал. Он не мог, просто не мог обречь на гибель матросов и нового капитана корабля. Несмотря на то, что уже не чувствовал себя частью этого маленького деревянного мира после того, как Синдбад ушёл на покой.

Но они навсегда остались частью его сердца. Так что он выбрал Геру. И знал, что она заснёт сегодня ночью – и проснётся полностью невменяемой. А затем родит сына-дурочка, который начнёт убивать людей. Во славу его матери.

Кэвин помчался в зверином облике к порту, где сейчас было только три корабля, включая тот, который много лет был его домом. Ненадёжным, готовым вот-вот развалиться во время шторма... Таким же хрупким, как и любая челове-

ческая жизнь.

К каменному пирсу пристала лодка. И внезапно из тёмно-серых туч прорезался золотистый сноп солнечного света, который озарил сиянием словно выкрашенную золотой краской лодку и медно-красные волосы красавицы.

Пума одним прыжком очутилась рядом с ней. Женщина равнодушно потрепала его между ушей – и они исчезли. Для тех, кто знал Шахрияра – навсегда.

ГЛАВА 5. История Павла, всё ещё человека

Кричали служанки, раздавались выстрелы, крики. Все эти надрывные звуки смешивались в ужасающую какофонию, что вызывало гримасу на лице молодого человека по имени Павел Радеонов. У него с утра раскалывалась голова, а руки тряслись. Все вещи, которые он пытался уложить в чемодан, словно уползали из-под рук, будто живые змеи, перемещивались и спутывались, словно нитки в клубке.

И накатывала растерянность пополам с ужасом. Его никто не учил, что делать, когда враг не внешний, а внутренний. Когда те люди, с которыми ты жил с самого детства бок-о-бок, готовы растерзать тебя за то, что ты – интеллигент. И даже ведь не аристократ!

И что обычные крестьяне и рабочие вдруг стали жуткими красными бандитами. Рубашки – пару штук можно взять, глобус... Очень смешно! Тот полетел в стену. Сапоги... Их следует надеть. Кинжал, который папа когда-то ему подарил. Сразу в ножны на пояс.

Отец успел написать письмо, которое дошло в последний момент из-за разрухи в стране. В нём говорилось о том, чтобы он спешно покинул училище и отправился к венгерской

границе. Где и ожидал его отец с друзьями, которые успели сбежать до переворота.

В письме отец заверял, что всё это, конечно, временно. И что вскоре царь Николай II, конечно же, наведёт в стране порядок. И всё будет хорошо! Все злые будут наказаны, а добрые, естественно, возвеличены.

Хотя Паша в это не верил. Как и в то, что сможет сбежать. Слишком много врагов вокруг, а когда все против тебя – один в поле не воин.

Пусть величественный, храбрый и достойный по самую маковку.

Но сдаться даже без попытки удрать казалось ему постыдным. Хотя сражаться ему не слишком хотелось. Так как он прекрасно понимал, что драка – это не дуэль в стиле "Трёх мушкетёров". Да и не было у него тех, кто бы встал у него за спиной. Разве что голосащий внизу, до смерти напуганный, белый, словно простыня, гувернёр-француз. Который не был его учителем, а прибился буквально вчера ночью, когда перебили ту семью, в которой он жил и преподавал.

На него Павлику было плевать, так как он не представлял, как спасётся сам. Очень сильно хотелось заплакать. Но парень сжал кулаки и напомнил себе, что настоящие мужчины не плачут. Одно утешало: отец в безопасности. Мать давно умерла, а других детей в их семье не было. Так что беспокоиться больше было не о ком. Если отбросить переживания о самом себе.

Поспешно одевшись, кажется, не слишком-то по погоде, он прихватил чемодан и спустился вниз, машинально считая ступеньки. Ему очень хотелось обернуться, чтобы навсегда запомнить свой старый дом. Но юноша удержался от столь романтического жеста.

Не ранимая юная дева, чай.

Он кусал губы и размышлял о том, что восстание бедняков, возглавляемое непонятно кем, никто серьёзно не воспринимал ещё месяц назад. Да даже неделю назад!

"Это всё политика. Грязное дело. Не суйся туда, сынок. Молодые, восторженные да ранние долго там не выживают. Они – пушечное мясо", – когда-то говаривал его дед.

Он слышал из разговоров учителей и одноклассников, что вскоре всё завершится, и очередной бунт будет подавлен. Жестоко и кроваво, так, чтобы неповадно было против своего царя восставать! И не только ссылкой в Сибирь, но и расстрелом.

Сейчас всё это бахвальство казалось издёвкой над тем, что происходило в реальности. А ещё ему вспоминались русские народные сказки, где Иванушки-дурачки всегда выходили победителями. И именно цари оказывались повержены немытыми и тупыми крестьянами.

Он прикусил нижнюю губу едва не до крови и подумал, что вчера, как и многие подростки и дети, совершенно не верил в полномасштабную войну народа против... народа. Ведь их семья даже не была богатой! И при его жизни нико-

гда не имела поместий и не издевалась над крестьянами. И не содержала фабрику, где измывались над рабочими.

Сжимая кулаки, Павел очень ясно осознавал, что отцовское послание опоздало. Совсем немного. В городе набрасывались на таких, как он, будто он был чьим-то врагом!

Словно разверзся ад, и демоны в рваных одеждах вынырнули из него и принялись охотиться на живых. И большинство людей забились по домам, покорно ожидая гибели, и надеясь, что пронесёт. Что их только ограбят, но не убьют. Кто-то, наверное, считал, что наконец-то наступил Апокалипсис, которого все с таким напряжением ожидали в 1900 году, но так и не дождались.

Хаос постепенно поглощал их страну. Государства и власти больше не существовало.

Трясущийся от страха губернёр с непроизносимым именем забился в экипаж. Кучер почему-то не присоединился к травле "поганых аристократов", и спокойно сидел на козлах, ожидая дальнейших распоряжений.

Павел запрыгнул в экипаж, сжимая коленями чемодан. И внезапно осознав, что надежды на спасения нет. И что он больше никогда не увидит отца. Что они не смогут перейти границу.

– Мы опоздали, – произнёс Павел совершенно спокойно, этим напугав себя ещё больше. Ведь раньше он не был настолько безразличен к собственной жизни. – Мы даже из города не уедем.

– Как вы можете так говорить? – весь дрожа проговорил гувернёр, забившись в угол. С ним не было никаких вещей, он успел спасти только себя. И второй раз очутиться на краю гибели отнюдь не желал.

Павел с презрением глянул на него, подумав, что совсем не хотел бы выглядеть таким же тощим, трясущимся "лягушатником" с длинным носом и маленькими глазами.

Кучер щёлкнул кнутом, и карета отправилась в путь. Как и все, кто в ней находился. В никуда.

– Вы должны верить в то, что мы спасёмся! – продолжил увещевания мужчина лет тридцати пяти, и, на взгляд Павла – совершеннейший старик.

– Господин, – снова заговорил гувернёр, сжимая колени длинными и худыми руками в одежде, настолько сильно заляпанной кровью, что было сложно рассмотреть её цвет. Сбежав буквально по трупам своих бывших хозяев, мужчина даже не успел переодеться.

– Никаких больше господ! – разозлился Павел. – Ты бы меня ещё графом или бароном величать изволил! Мы беспоместные дворяне, – угрюмо пояснил он. – Да и нет уже ни графов, ни герцогов, ни помещиков... Никого нет. Одна голятьба и рвань остались. Кажется, у нас все теперь равны... И все вокруг товарищи, – он криво усмехнулся.

Воронье кони ржали от испуга, так как ощущали, что приближается гибель. Павлу казалось, что он слышит, как бьются сердца больших животных, будто вот-вот и остановятся.

А ещё ему внезапно показалось, что в оставленном позади доме раз и навсегда остановились часы с кукушкой.

Павел снова начал кусать губы и сжимать кулаки. Гувернёра ему жалко не было, а вот верного кучера – да. Он надеялся, что старик Потап сможет соврать, что его принудили. Страшный и ужасный дворянин, у которого ещё молоко на губах не обсохло, угрожал жуткими пытками. К примеру, своим кинжалом – опаснейшее оружие, между прочим!

"Что ж, когда – если – меня убьют, мне хотя бы не придётся больше учиться", – с кривой усмешкой подумал юноша.

Внезапно один из жеребцов издал дикое ржание и упал на бок, подогнув ноги, потащив за собой других лошадей и карету.

Павел с гувернёром успели выскочить. Но тут мужчина внезапно захрипел, схватился за сердце и упал бездыханным.

– Наверное, сердце остановилось, – почти равнодушно произнёс Павел, глядя в открытые, но ничего не выражающие глаза. Он уставился на кучера, который бросился бежать куда-то в сторону.

Павел в шоке застыл на месте, увидев, как из-за угла здания строем вышли солдаты красной армии.

– Стой, стрелять буду! – закричал небритый мужик с красной рожей.

Паша кинулся бежать, ощущая, как заполошно колотится сердце. Страх охватил его целиком, лишая здравого рассуд-

ка.

И он даже не увидел, кто из них начал стрелять. Несколько пуль "ушли в молоко", но одна из них попала точно в цель. И Павел рухнул, как подкошенный, подумав, что очень глупо подох. Правда, не так глупо, как губернёр, чьё имя так и не узнал, у которого сердце остановилось от одного лишь звука выстрела.

– Спирт будете? – поинтересовался у Павла совсем молоденький капрал, который был едва ли на год или два старше его самого.

– Почему бы и нет? – юноша хрипло откашлялся, усмехнулся и подхватил рюмку. Грязную, с отбитым краем. Порезаться он не боялся. Наверное, он уже совершенно ничего не боялся. – Выпью, пока снова не сдохну. Может, это будет забавнее, чем в первый раз.

– Что же вы так, – заботливо и совершенно не искренне заговорил капрал. – Хотя сейчас война, брат идёт на брата, родители "стучат" на своих детей... Недолго и свихнуться. Так что у вас там случилось? Вы вчера пришли к нам с совершенно стёртыми ногами, потеряв где-то все свои вещи и...

– И коней, и повозку, и губернёра, – подсказал Павел, кивая и залпом отпивая спирт, который ему налили, как пообещали. – Правда, последний был не мой, я и имени его не

знал. Правда, документы сохранил, – он похлопал себя по нагрудному карману гимнастёрки. – И кинжал, – он похлопал по широкому кожаному поясу, на котором висели ножи. – Всё, что у меня осталось от прошлой жизни. А ещё отец где-то есть, только он в Венгрии сейчас, надеюсь, что жив-здоров. Хоть кто-то же в нашей семье должен же быть живым и здоровым?!

– Вчера я не стал вас допрашивать, – парень, но уже начавший лысеть, потёр широкий лоб красной ладонью, – но мы получили приказ остановить отступление. Войска собираются объединять, так что время поговорить есть. Можете мне довериться, я-то вас уж точно не сдам "красным", – хмыкнув, заметил мужчина.

Павел подумал, что опять совершенно не запомнил его имя. Или не спросил? Или ему опять было всё равно?

Ему внезапно подумалось, что когда рядом с тобой умирает человек, чьё имя ты не знаешь, то становится как-то легче. Или ему просто так казалось.

– Налейте мне ещё. И можно больше. Я уже не ребёнок! Хотя раньше пил только настойки, которые бабушка заготавливала и дедушка любил тайком на печи попить. Или домашнее вино. Так что я надеюсь опять помереть. И тогда-то я разоткровенничаюсь перед вами, как перед архангелом Михаилом, – он глянул на рюмку, затем подставил её под маленькую пузатую бутылку. Выпил снова одним глотком, не закусывая. А потом с размаху швырнул рюмку об землю, так,

что осколки полетели во все стороны.

– Меня зовут... – начал высоколобый парень.

– Давай без имён, ладно? – выставил вперёд ладони Павел. – Достаточно того, что ты моё имя знаешь. А если я тебя фамильярно на "ты" назову, думаю, не обидишься?

– Ничего страшного, – отмахнулся тот.

– Понимаешь, – пьяно икнул Павел, – просто ты скоро умрёшь, а я поэтому не хочу твоё имя запоминать. Чтобы не привязываться, как к котяткам, которых всё равно нужно утопить.

– С чего ты решил, что я скоро умру? – с интересом, но без особых эмоций спросил собеседник. Но в его карих глазах читалось: "Ну, война, все психи, мне как-то плевать".

– Потому что меня сегодня днём убили, – охотно ответил пьяный парень, устраиваясь поудобнее возле костра и щуря светлые глаза, который казались желтоватыми, как у дикого зверя в танце огоньков. – Выстрелили прямо в сердце – пиф-паф! – он изобразил пальцами выстрел из пистолета, направив указательный палец – "дуло" себе в грудную клетку. – И я думал, что всё, отбегался и отмучился. Разве что жалел, что девственником умер. И ничего в жизни не добился, и с отцом не попрощался. И лучший мир не повидал – я про другие страны. Ну, а потом вдруг – бац! – и очнулся. Причём в своём теле. В том же месте. Точнее, на краю дороги – меня просто оттащили и, как я думаю, побежали грабить моё имущество и ловить лошадей. Ну, я встал – и пошёл. Такие

вот дела. И теперь я никто. Без фамилии и титула, без настоящего и будущего.

– Я думаю, в тебя стреляли, но промахнулись. Мертвецы не ходят и не говорят, поверь, я их уже достаточно повидал, чтобы быть абсолютно уверенным в этом. Полагаю, ты просто упал в обморок, а эта банда красных жуликов побежала ловить лошадей и грабить карету. Так что про тебя они забыли. Так ты и выжил.

Павел неопределённо повёл плечами. Что-то кому-либо доказывать у него просто не было сил. Да и как можно объяснить то, в чём сам нифига не разбираешься?!

Сам-то он точно знал, что с ним произошло. Это было нечто глубинное, то, что является частью души. Что-то большее, чем истинная вера. Потому что его уверенность в том, что он погиб, а потом странным образом воскрес, была знанием, а не верой.

– Да, дела, – мужчина осушил рюмку до дна и покачал головой. Налил по новой, откуда-то достав и ещё одну, взамен той, что разбил Павел: – Штатский, я так понимаю?

– Наверное, – Павел пожал плечами и отпил немного. Поморщился и выпил сразу, будто горькое и мерзкое, но такое необходимое в данный момент лекарство. – Я училище только на днях бросил. Да там все разбежались, как крысы с тонущего корабля. И я их не обвиняю. Если бы я мог отрастить крылья, то вполне смирился бы с ролью летучей мыши, – криво усмехнулся он.

– В армию собирался? – уточнил мужчина, потирая покрасневший и вспотевший от спирта лоб.

– Возможно. Не помню уже. Да и что сейчас говорить? – скривился Павел – тоже от мерзкого вкуса или осознания куда более омерзительной реальности, сжимающей его, будто тиски в пыточной. – Лучшей выпьем за дружбу, любовь и мир во всём мире! За то, чего никогда не было, но во что почему-то все упорно верят. Как в царство небесное, – Павла сильно развезло. Его глаза уже сверкали жёлтым, не скрывая тайную суть. Впрочем, его собеседник, который пьянел каждую минуту, ничего не замечал.

– Давай, – пьяно улыбнулся тот, явно напившись до такого свинского состояния, что вполне поддержал бы тост за Ленина, расстрел царской семьи и могучую красную армию.

Они снова выпили, не чокаясь. Костёр подбирался к ним оранжевыми щупальцами, отливающими багряной кровью. Спирт сжигал внутренности, заставляя хоть ненадолго забыть об ужасе, творящемся вокруг. И постепенно накатывала сонливость, так как и тело, и душа расслаблялись.

– Сколько же тебе лет, Павлик?

– Семнадцать буквально позавчера стукнуло. А тебе?

– Двадцать пять. Эх, ты ведь ещё мальчишка. Сейчас бы тебе в безопасном месте, за границей где-нибудь, сидеть и французский язык учить.

– Да-да, – глухо и страшно рассмеялся юноша, щерясь, будто дикий зверь. Желтоватый оттенок радужки и кажущи-

еся острыми белоснежные зубы на миг создали эффект дикой твари. Впрочем, пьяный собеседник даже не обратил на эти метаморфозы внимание. – Прямо сейчас крылья отращу – и полечу! Сразу в Будапешт, к отцу. И выучу и французский, и английский, и немецкий языки. И философию, и ещё что-нибудь впридачу. Например, выучусь на повара. Потому что жрать все любят, а готовить почему-то никто не хочет.

Они захихикали, переглядываясь, словно играющие мальчишки.

Павел заворожённо уставился на пламя, внезапно задумавшись о том, что сейчас делают революционеры. Разжигают ли они костры в ночную пору? Любуются ли звёздами? Вспоминают ли о семье? Вспоминают ли о тех аристократах и интеллигентах, которых убили почём зря? Или оправдывают себя, воспользовавшись благородно представленным новым правительством оправданием, что они все – плохие? И их всех нужно быстренько уничтожить, иначе настанет нечто плохое? Думали ли так испанцы, уничтожающие инков? Инквизиторы, которые подвергали страшным пыткам самых обычных людей, чтобы унаследовать от "мерзких отродий тьмы" всё их состояние? Или в какой-то определённый момент с мозгами мужчин происходит нечто страшное, что превращает их не в диких зверей – те куда добросердечнее и культурнее – а в демонов из ада?

Ему внезапно приснился собственный глобус, который служил ещё дедушке. Тот крутился, и материка с океана-

ми превращались в реки крови, разбрызгиваясь на стены его родного дома. Где в каждой комнате был кто-то застреленный или повешенный. А вместо привычной люстры с хрустальными подвесками, которую он жутко не любил и считал "девчачьей", с потолка свисала верёвка, в петле которой болталась отрезанная голова безымянного гувернёра с высунутым синим языком. Хотя даже в кошмарном сне Павел помнил, что имя-то у него было... Только сгинуло вместе с ним.

ГЛАВА 6

Павлик проснулся от холода. Он ощутил, что озяб и почти начал коченеть. В голове даже вспыхнула сумасшедшая догадка, что ночью он снова умер, а теперь опять воскрес.

Сначала он долго хлопал ресницами, пытаясь вспомнить, где находится. Почему-то в голове вспыхивали лишь картины из сна с глобусом, который раскрутила чья-то невидимая рука, а затем тот начал разбрызгивать кровь, а вокруг были мертвецы.

Проморгавшись и попытавшись встать с холодной земли – и про себя выматеревшись, что кое-кто не догадался, что лучше не засыпать, чтобы время от времени подбрасывать в костёр дрова. А затем он услышал жуткую тишину, на фоне которой звуки леса казались слишком громкими, будто невидимые злобные существа кричали прямо в ухо.

Давящая тишина опустилась на сознание, будто каменная плита на могилу. Он ощутил на себе чью-то руку и машинально убрал её, вздрогнув всем телом от ощущения пронизывающего холода чужих разжавшихся пальцев.

"А ведь мужик тоже замёрз. Наверное, сдох от холода. Ещё одна нелепая смерть. Наверное, тот француз будет на первом месте, а этот – на втором, – эта мысль заставила его напрячь голову, чтобы осознать происходящее. – Потому что

нужно было костёр поддерживать, а не напиваться и валиться на холодную землю без сознания!".

Внезапно он заметил, что вокруг начали падать с небес, будто вестники ангелов, снежинки. Они кружились вокруг, создавая ощущение покоя и ещё большей тишины.

"Вроде ещё рано для снега", – подумалось Павлу. Он машинально протянул ладонь и поймал несколько снежинок.

Однако сознание наконец-то снова угнездилося в мозгу, и он со страхом вскочил, едва не рухнув снова из-за одеревеневших ног.

Он принялся судорожно оглядываться, уже примерно осознавая, что увидит. И вокруг действительно валялись трупы тех людей, которых он снова не узнал, так как разговаривал только с одним из небольшого отряда.

Его знакомый лежал рядом с таким изумлённым видом, будто только что поверил, что Павел опять воскрес. Всё-таки он ведь на самом деле замёрз ночью насмерть. Потому что вокруг царил неестественный холод, будто весь этот лес захихнули в ледник. Или в сугроб.

Ему сразу вспомнился жуткий сон. И Павел принялся бродить, шатаясь, между деревьями и мёртвыми телами, пытаясь найти хоть кого-то живого. Он тряс их за грудки, пытался отыскать пульс, умолял проснуться. Кричал, что всё это – дурацкий розыгрыш. И что ему совсем даже не смешно! А очень даже жутко!

Снег постепенно становился гуще, а из его рта при дыха-

нии стал исходить пар. Тело, которое так и не отогрелось, вновь начало замерзать.

– Пожалуйста, пусть хоть кто-то будет живым! Мне одному так плохо, так страшно, – шепнул он, без сил падая на колени в начавший образовываться сугроб. – Я больше так не могу! Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что. Теряя при этом всех тех, с кем я только успел познакомиться. И заодно теряя себя. Лучше уж смерть, чем такое жалкое, убогое существование!

Он ощущал, как слёзы медленно текут из глаз, замерзая на щеках. И, как ему казалось, превращая его глаза в стекляшки. Он достал свой кинжал и начал машинально ковырять снег, розовый от крови. Лишь пару минут назад он осознал, что кто-то застрелил всех спящих. И только ему удалось погибнуть во сне. И остаться без дырок в теле. Впрочем, предыдущая сквозная рана всё равно куда-то делась...

Пальцы побелели и почти негнулись, он едва не уронил кинжал. А затем ладонь едва не примёрзла к рукояти.

Диск белого солнца, встающий из-за горизонта, казался вспышкой далёкого взрыва.

– Куда бы я не шёл, все вокруг меня умирают. Но это не я виноват, а эта дурацкая война. Все войны дурацкие, лучше бы взрослые мужчины, как мальчишки, продолжали играть в солдатиков, чем уничтожать людей, как противников в играх, – вслух размышлял он, продолжая стоять на коленях на мёрзлой земле, ощущая, что постепенно превращается в сне-

говика.

– Наверное, Смерть преследует меня. Именно так. И почему-то не в состоянии убить меня, она охотится на тех, кто оказывается рядом со мной.

Ему представилось, что он теперь один на всей планете, которую залила кровь, как глобус в его сне. И что в живых остался только он. Окружённый мертвенным, холодным, звенящем в ушах одиночеством.

– Всё, что я не делаю, всё впустую! Слышишь, папа, у меня не получается добраться до тебя. Я лишь сею семена гибели, но не могу добраться до спасительного убежища. Потому что меня никто не хочет спасать. И я тут один, совсем один!

Через некоторое время, придя в себя и встав с колен без усилий – на какой-то миг ему даже показалось, что придётся оторвать ноги и оставить их тут – примороженными к земле, он снял одежду с одного из офицеров не ощущая ни малейшего угрызения совести.

Шинель, светлая форма и сапоги – всё отлично сидело на нём, будто было сшито по его меркам. И даже капли крови не портили внешний вид. К тому же ему стало намного теплее.

– Помнишь, папа, ты не хотел, чтобы я вступал в армию. Но сейчас тебя нет рядом, и ты мне совершенно ничего не сможешь запретить. Ты далеко от меня. И, несмотря на то, что в отличие от матушки, ты живой, вы оба сейчас недостижимы, будто небеса. А я в новой форме, почти в армии...

Хотя некому было принять у меня присягу.

Положив кинжал обратно в ножны, он нагнулся и подобрал непонятно кому принадлежащий короткий пистолет. Шестизарядный кольт, такой новенький, что было страшно даже его касаться.

Задумавшись, он поднёс дуло заряженного пистолета к виску: – Ну, что, с Богом? Точнее, к Богу? Но меня вряд ли туда примут, – он поднял взор к небесам, серым и скучным. – Да и неизвестно, удастся ли мне погибнуть на этот раз. Но вдруг получится, если сделать это самому? Не попробуешь, не узнаешь, не так ли?

Он задумался, застыв с пистолетом возле виска.

– Нет, я не хочу, – он бессильно опустил руку. – Дохнуть так глупо. Ведь у меня же есть цель: добраться до Будапешта и отыскать там отца. Но, наверное, проще рассчитывать на попадание в рай.

Он спрятал пистолет в кобуру, которую тоже с кого-то снял.

Немного пройдясь, он увидел полуразрушенную церковь и старинное деревенское кладбище.

– Где-то тут должна быть лопата, ну, хоть одна! – сам себе говорил он, стараясь бодро шагать с видом: "Да всё в порядке, ничего не случилось".

Не то, чтобы где-то тут были зрители... Он надеялся, что никто за ним не следил. Но Павлик старался для себя.

– А если я найду лопату, то могу вернуться и похоро-

нить... Хотя кого-нибудь. Хотя бы того солдата, который меня развлекал.

Возможно, этим я заслужу всамделишную христианскую смерть. И смогу очутиться на небесах, – он задрал голову, но сумел увидеть только бесконечный снег, который ткался между небом и землёй, словно гигантский саван.

Он шёл по кровавому полю, пытаясь осознать, почему за-
снул так крепко, что пропустил битву и звуки выстрелов. Это
если был бой, а не его случайных соратников застрелили по-
тихому, во сне. Не то, чтобы он хорошо разобрался в сраже-
ниях, но точно знал, что в любом отряде оставляют кого-то
на часах, чтобы враг не застал врасплох.

Но так как других трупов, кроме членов этого небольшо-
го отряда, не было, то он так понял, что битва закончилась
очень быстро, не успев как следует начаться.

К заброшенной церквушке он шёл спокойно и уверенно,
будто выполнял чей-то приказ. Некоторые могилы на ста-
ринном кладбище были вскопаны, словно кто-то пытался пе-
реквалифицироваться из обычного солдата или крестьяни-
на в гробокопателя. Или планировал подселить к старым ко-
стям новых "жильцов" после очередной бойни непонятно ко-
го, непонятно с кем, неясно за что. В общем, белых с крас-
ными и против бандеровцев.

– Тут были люди, точно! – воскликнул парень с напускной
радостью. – И я их найду. – А потом их убью или они меня.
Только я смогу воскреснуть – наверное, а они – нет.

Пошевелив пальцам, чтобы проверить, не отморозил ли он их с концами, Павел с изумлением увидел нечто новое: на указательном пальце правой руки у него появилось кольцо-печатка с расправившим крылья чёрным вороном в золотой короне на серебряном фоне.

– Странно, – вслух произнёс он, сомневаясь в своей вменяемости. Впрочем, не первый раз за прошедшие сутки. – У кого я его экспроприировал, и, главное, зачем? Да и за такое колечко с короной меня точно расстреляют, но сначала палец с кольцом отрежут. Как же ж, корона, значит, намёк на царя-батюшку!

– А вот и ты! Очнулся, наконец, – раздался незнакомый мужской бас.

Парень протёр глаза и уставился на человека, стоявшего среди покосившихся крестов и старых надгробных плит, на которых уже невозможно было хоть что-то прочесть. Почему-то ему подумалось, что именно этот мужик недавно могилы раскапывал.

Это был высокий мужчина, без шапки или другого головного убора, как и сам он. Так как снег вновь усилился, а взметнувшийся ветер бросил ему в лицо целую горсть снежинок, Павел не смог толком разглядеть этого гробокопателя и нарушителя церковных догм.

– Следуй за мной! – приказал мужчина. Почему-то юноша не смог послушаться, и помчался за ним, словно верный пёс за свистнувшим ему хозяином.

Ветер свистел им вслед, швыряя снег целыми сугробами. Они с трудом отыскивали чернеющий в белоснежном безумии вход в наполовину развалившееся здание.

Несмотря на то, что церковь частично обвалилась, внутри оказалось сыро, но теплее, чем снаружи. Окна кто-то изнутри забил досками, но из щелей проникало достаточно утреннего света. Сверху что-то капало, и в наступившей тишине завывание ветра снаружи да звуки капающей воды слышались отдалённо, словно сквозь слой ваты.

Павел подумал, что это у него от воя ветра уши заложило. – Садись тут куда-нибудь, – незнакомец растерянно оглянулся, а затем указал прямо на пол.

Павел кивнул и почти осел на деревянный пол, ощутив, как подкосились ноги. Словно из тела вытащили все кости, и оно уже просто не могло стоять. Навалилась усталость за всё пережитое недавно.

– А я поищу керосиновую лампу. Должна же она тут быть, верно? – подмигнув ему, мужчина отправился куда-то во тьму. Он лишь слышал гулкие звуки шагов, усиливаемые эхом.

На парня внезапно навалилась не только усталость, но и темнота. Внезапно ему вновь показалось, что он остался один на планете.

– Я рад, что я вас нашёл. Даже если вы вскрывали могилы и грабили мертвецов. Или собирались поубивать всех своих врагов и похоронить их тут, в неприметном месте. Мне всё

равно, честно! Даже если вы красный. Но даже если вы враг, и будете убивать меня долго и нудно, я не в обиде, честное слово! А может, вы священник? И прячетесь тут от новой власти, так как я слышал, что те убивают священников, потому что нет бога, кроме Ленина, а Троцкий – пророк его.

Павел нервно захихикал, внезапно осознав, что если перед ним действительно коммунист, то ему не жить. И застрелят его или зарежут прямо тут, в церкви, а потом и похоронят. Благо, могилы уже были разграблены и готовы к "подселению".

– Может, вы всё-таки коммунист или как вы там себя называете? Я не разбираюсь в политике, правда, – криво усмехнулся в пустоту перед собой Павел. – Хотя в наше время в этом случае политика всё равно разберётся с тобой. Но мне наплевать, главное, что я снова говорю с живым человеком, потому что разговаривать с трупами мне уже надоело. А больше поговорить и не с кем, мать давно умерла, а отец сейчас очень далеко. Я надеюсь, что хотя бы он живой. Пусть заведёт себе другую жену и других детей. Должен же кто-то продолжить наш славный род беспоместных дворян? Ну, не я же?! Да, вы меня вообще слушаете?

– Тут хорошее эхо, так что можно услышать другого человека с любого конца церкви, даже с колокольни, – отозвался незнакомец, который вернулся вместе с лампой, которую уже успел зажечь. – И, кстати, если тебе интересно – это я весь твой отряд, к которому ты примкнул, застрелил. Этими

самыми руками, – он, поставив лампу на пол, показал ему раскрытые ладони.

– Это ведь шутка, правда? – парень вновь увидел тех ребят, мёртвых и неподвижных, засыпаемых снегом, словно статуи в парке, в котором он так любил гулять вместе с родителями. Ему внезапно показалось, что внутри него, как в тёмной воде, открыл круглые глаза и вытянул щупальца какой-нибудь монстр, живущий в самой глубине подсознания.

– В такие времена смерть – это не шутка, а констатация факта, – равнодушно произнёс мужчина. Он снова взялся за лампу и приподнял её, освещая своё лицо.

Павел отстранёно подумал, что этот мужик – точно не русский. Кожа измождённого лица была желтоватой – и не только от света трепещущего огонька в лампе. Да и большие, выразительные глаза оказались с жёлтой радужкой. А таких глаз у нормальных людей, которые окружали его с детства, он никогда не видел. Да и черты лица не были славянскими. Мужчина чем-то был похож на цыгана, только не выглядел бродягой, а скорее аристократом в изгнании, вроде графа Монте-Кристо.

Несколько раз моргнув, пытаясь взять себя в руки и не сорваться в банальную истерику, Павел внезапно пришёл к выводу, что его странный собеседник – точно турок!

– Ах ты проклятый басурманин! Убийца! – эта мысль, а также воспоминания о мёртвых солдатах, повлияли на Павла, как красная тряпка на быка.

Ему внезапно показалось, что от недавно появившегося на пальце кольца исходит тепло, а через мгновение рука будто окунулась в кипяток. Яркая вспышка на мгновение ослепила его. И, спустя пару секунд, хлопая ресницами, парень с недоумением и шоком обнаружил, что они вместе с тем, кто уничтожил весь белый батальон, очутились совершенно в ином месте. А церковь куда-то подевалась, будто и не было её вовсе.

Павел истерически расхохотался, подумав, что наконец-то сошёл с ума. И может наконец-то отдохнуть от реальности в мире своих грёз.

Он внезапно обнаружил, что втыкает отцовский кинжал в грудь проклятого басурманина, удерживая его второй рукой на земле.

И кровь залила его руку и грудь мужчины, вновь напомнив ему тот самый сон про залитый кровью крутящийся глобус в его комнате.

– А ты ведь твердил, что боишься остаться один, – в последний раз прохрипел мужчина, улыбнулся окровавленными губами, а затем замолчал, застыв в нелепой позе с открытыми глазами.

Пытаясь оттереть кровь об одежду – свою и убийцы, которому он отомстил за смерть недавних товарищей, которых он даже не успел узнать, но которые приютили его, обогрели и даже поделились драгоценным спиртом, Павел не сразу огляделся по сторонам.

А когда осмотрелся, то снова уверился в том, что либо сошёл с ума, либо ему приснился затяжной кошмар.

Он очень сильно понадеялся на то, что кровавая революция и власть безжалостного монстра – народа – тоже являются частью кошмара или безумия. Или кошмарного безумия.

Вокруг простиралась земля, которая могла породить только кошмарные сны, голод и жажду: растрескавшаяся и чёрная, с белесым, каким-то неживым небом, которое показалось ему плотным листом картона.

– Ну и плевать! Мне всё равно! – выпалил парень, ошарашенно оглядываясь по сторонам и прикидывая, делают ли лоботомии при таких галлюцинациях или всё ещё обойдётся.

Тело мертвеца, который ещё совсем недавно дышал и говорил, внезапно превратилось в мёртвое животное. Павел с трудом опознал дикое животное – это оказалась пума.

– А мне всё равно, я и так понял, что рехнулся, – парень понимал, что, говоря вслух, лишь ещё больше погружается в пучину страха, но ничего не мог с собой сделать. – Я уже ничему не удивляюсь, – пробормотал он себе под нос, пошаркав ногой по сухой земле, а затем закашлявшись от взметнувшейся в воздух пыли. – Тут только перекасти-поля не хватает, а также всяких америкосов с револьверами, как их там называют? А, ковбоев!

Почувствовав, что тело начало корёжить от боли, он подошёл к огромной луже, которая непонятно что делала на пол-

ностью высохшей и покрытой трещинами земле. Вода почему-то не высохла на жаре и не провалилась вниз, в ад, через трещины, которых было больше, чем морщин на лицах стариков.

Встав на колени, он потянулся к воде, но это оказалось стекло. И в нём, словно в зеркале, он разглядел своё изменившееся тело: выросший прямо посредине лица вместо носа клюв, распростёршиеся за спиной чёрные крылья. Словно бы тот ворон, который был изображён на его новом украшении, проник к нему прямо в душу и изменил тело.

– Вообще-то я чем-то похож на чумного доктора, – задумчиво пробормотал парень. – Наверное, меня ранили в перестрелке, и я медленно умираю. И всё это мне чудится.

Он на пробу взмахнул крыльями и смог ненадолго оторваться от обжигающей стопы даже через сапоги и обмотки земли.

– Это сон! Я просто сплю или брежу, – закричал он, запрокидывая голову, и едва не перевернулся вниз головой из-за тяжести массивного клюва.

– К сожалению, это не сон, мальчишка. Но очень похоже на кошмар, согласен, – с грустью произнёс мужчина, который очень правдиво изображал мертвеца.

Но Павел не очень-то и удивился и даже почти не испугался, так как привык, что во снах всё меняется, как в калейдоскопе. И что фантазмагорические образы принимают любое обличье.

– У тебя началась новая жизнь. Не могу сказать, что она будет лёгкой, возможно, тебе было бы даже проще остаться в своей стране, залитой кровью. Там бы тебя попросту расстреляли или отправили в ссылку на целую жизнь. И, возможно, тебя бы вернули обратно домой, глубоким стариком, уже забыв, зачем вообще сажали в тюрьму. А тут ты будешь погибать раз за разом. И я вынужден преподать тебе этот кошмарный урок, – криво усмехнулся мужчина. – Поверь, малыш, это не доставляет мне удовольствия. Но мы в тюрьме, и я – твой надзиратель. В общем, считай, что ты в концлагере. А я вынужден тебя пытаться. Наверное, ты ещё не знаешь, что это такое, временные потоки иногда сводят с ума, так что забываешь о том, в каком ты времени, и что актуально для ныне живущих.

Жуткая боль пронзила Павла, когда мужчина раскрутил длинную и толстую цепь, которая обмоталась вокруг его тела, сломав крылья, и вернув обратно на грешную землю, пока он пытался улететь от безумца, пугающего его даже в этом сумасшедшем мире.

Он с трудом встал с больно ударившей его земли, ощущая зуд во всём теле, словно у него мгновенно выпали все перья – а это так и случилось.

И тут же увидел дуло револьвера, нацеленное прямо ему в лицо.

– Ты прикончил меня. Это здорово! Теперь моя очередь. Таковы правила здешнего мира, понимаешь? – желтокожий

мужчина снова криво усмехнулся, будто у него разом заболели все зубы. И полезли изо рта неучтённые природой клыки. А клыки на самом деле показались, когда тот открыл рот и ощерился на него, будто дикий зверь.

– Я научу тебя выживанию. Точнее, как сохранить рассудок во время пыток. И да начнётся игра!

Последнюю фразу он прокричал задорно, будто зазывала в шатёр циркачей на ярмарке.

Мужчина выстрелил в него. Сердце успело забиться быстрее, когда крупнокалиберная пуля попала в грудную клетку, разворотив её.

Павел даже не успел испугаться или ощутить боль. Он, на мгновение прислушавшись перед тем, как снова упасть на твёрдую землю, лишь изумился, отчего сердце больше не бьётся.

Его тело болело, будто он пил всю прошедшую неделю, отмечая что-то масштабное, например, мир во всём мире или мировую войну. Тошнило, почки будто отваливались, а на голову словно нацепили ведро и били по нему ложками.

– Воды, – простонал парень, с трудом открывая глаза и видя перед собой лишь мутные пятна.

– С водой тут напряжёнка, но я для тебя расстарался. Вот тебе целое ведро, надеюсь, напьёшься, – на него вылили это

самое ведро ледяной воды.

Павел лишь успел открыть рот и проглотить совсем немного. Можно сказать, лишь подержать восхитительную влагу на языке. Спиной он продолжал ощущать жар земли, твёрдой, как раскалённый металл.

Вода попала и в глаза, так что он несколько раз моргнул, пытаясь увидеть что-то перед собой. Не то, чтобы его интересовало, кто собирался его прикончить. Но он ощущал, что на него упала тень. И от этого солнечные зайчики перестали трепетать на влажных ресницах.

Эта тень, пусть и наклонившегося над ним убийцы, спасала от раскалённого светила, которое появилось на горизонте, кроваво-алое, какое бывает на закате.

– А можно воду в рот? – попросил он, с трудом усевшись.

– Держи, – ему сунули в руку кружку. Ржавую, отчего и вода внутри отдавала ржавчиной. Или это была кровь? На самом деле ему было плевать. В этот миг ему хотелось лишь утолить жажду.

– Тебе сейчас нужно отдохнуть, – мужчина произнёс это заботливым тоном, будто его и в самом деле волновало его самочувствие. – Переместимся в более удобное место, а то на этой земле можно только сдохнуть, а не отдохнуть. Он сжал его плечо, и яркая огненная вспышка заставила Павла плотно закрыть глаза.

– Где мы? – спросил он, когда проморгался.

– В постели, – иронично усмехнулся мужчина. – Точнее,

ты лежишь, а я просто составляю тебе компанию. Надеюсь, приятную.

– И в каком месте мы очутились? – никак не мог успокоиться Павел, ощущая, как бешено забилося сердце, а адреналин забурлил в венах.

– Мы в обычной гостинице, – потёр лицо ладонями незнакомец. – Это всё, о чём тебе стоит знать.

– А в каком мы городе?

– Далеко от твоего родного, если тебя это интересует.

Павел кивнул, с трудом собирая мысли в кучку, словно трупы, чтобы затем их сжечь.

– Хорошо, а что со мной случилось? – ему по-прежнему было сложно поверить в реальность происходящего. Хотя кровать под ним была реальной, как никогда: узкая, продавленная, пахнувшая не слишком свежим бельём.

Он глянул на мужчину, который выглядел до ужаса реальным, с его желтоватой кожей и потускневшими жёлтыми глазами, серой кожей, мешками под глазами и резкими морщинами, а также отросшей рыжей щетиной.

Мебель была безвкусной, старой, истёртой.

Моргнув, парень внезапно осознал, что цвета исчезли, а монохромная картинка перед глазами показалась ему фотографией туманного прошлого, навеки застывшего в безвременье.

– Это нормально? Что всё стало таким... серым, лишённым красок? – уточнил Павел, внезапно ощущая себя паци-

ентом больницы для бедняков рядом с равнодушным доктором.

– Скоро всё наладится.

Павел снова кивнул, голова заболела, зато цвета вернулись. И показались ему болезненно-яркими, так что даже слёзы на глазах выступили.

– Ты просто меняешься, – равнодушно произнёс незнакомец. – Привыкаешь к новой жизни. Или к посмертию? Не силён в этих философских терминах. Кстати, у тебя теперь глаза тоже стали жёлтыми.

– А я не хочу, – пробурчал парень, но не отвернулся, хотя очень хотелось. Просто теперь он не верил, что если развернуться лицом к стене и нахмуриться, надув губы, то в мире что-то измениться к лучшему. Что вселенная сжалиться над ним. – Не хочу быть похожим на вас! – с вызовом выкрикнул он, уставившись ему в глаза.

– Конечно, не хочешь, – странным тоном произнёс тот, с нотками грусти. – Я тоже, знаешь ли, от себя не в восторге. Но меня никто не спрашивал, когда производил на свет... именно таким.

– Каким таким, убийцей? – Павел и сам понимал, что нарывается, но просто не мог держать себя в руках. Сила воли давно помахала ему ручкой, как и умение держать себя в руках. На самом деле сейчас он чувствовал себя прыщавым подростком, который не в состоянии справиться с первой в жизни гормональной бурей.

– Убийцей я не родился, – с горечью отозвался мужчина и снова потёр щёки широкими ладонями. – Да и в общем, не моё это призвание, я всегда старался минимизировать ущерб. Хотя да, недавно мы убили друг друга. Можешь считать это игрой в шахматы. Сначала я убил твоего короля, а потом и ты моего. Старайся относиться к этому именно так. Я, кстати, до сих пор хреново себя чувствую, а ты?

– Я тоже, – кивнул Павел, настороженно глядя на психа. То, что мужчина рядом с ним безумен, он не подвергал сомнению. Но также не отрицал, что тот что-то такое с ним сделал... Что заставило поверить, что он способен на нечто несусветное.

– Подождите, – Павел обхватил колени руками, – то есть, как это мы убили друг друга? По-настоящему убили, что ли?

– Как-то так, да, – мужчина развёл руками.

– То есть, это у нас такое посмертие на двоих? – изумлённо заломил брови парень. – Интересно, с чего вдруг? Ты не слишком хороший сосед для проведения вечности.

– Лично я живой, да и насчёт тебя могу сказать тоже самое. Так что не переживай. А лучше отдохни.

Павел мотнул головой и из чувства противоречивая попытался встать, но осел на кровати, ощутив полный упадок сил.

– Не стоит оказывать сопротивление, – устало произнёс мужчина. – Это бессмысленно, да и бесполезно. Он уставился на него, чуть прищулив глаза, а радужка буквально вспыхнула золотом.

– Не надо так на меня смотреть, я понял, – Павел лёг на кровать и даже укрылся тонким одеялом. – Видите, какой я послушный? – язвительно добавил он.

– Молодец, – не менее сардонически отозвался мужчина.

– Кстати, а как у вас это вышло? – парень не мог хотя бы не попытаться удовлетворить любопытство, сжигающего его не меньше, чем пламя жёлтых глаз, жутких и колдовских.

– Что именно, убить тебя?

– Нет, как вы в пуму превратились? – секрет незнакомца казался настолько притягательным, что Павел просто не смог смолчать. – Со своей гибелью, как и со смертью всех тех, кого я недавно встретил, я уже как бы смирился. Наверное, смерть, если ты после неё выживаешь, здорово прочищает мозги. Мне интереснее, что происходит сейчас. Ведь смерть я уже раньше видел, а с тем, что произошло с нами недавно, я никогда раньше не сталкивался.

– В дикого зверя меня научил превращаться необычный человек, один из немногих, которые смогли выйти за грань обычного скучного человеческого существования. И он путешествовал не для того, чтобы избегать обычной жизненной рутины, а чтобы достичь звёзд в едином душевном порыве. На гребне волны, на очередном стареньком корабле, которые рассыпались под его ногами в труху, не выдерживая жара его сердца. И это был Синдбад Мореход. Да, тот самый, о котором ты мог читать сказки в детстве. Или не мог. Я не помню, когда именно их выпустили в СССР, – задумчиво, с

лёгкой улыбкой и блеском в глазах произнёс мужчина.

– Интересно, – пробормотал Павел.

– Ничего тебе не интересно, – грубо оборвал его незнакомец. – На самом деле ты та ещё бесчувственная скотина. Стоило тебе узреть чудо, и ты напрочь забыл и о том, что твоя страна захлёбывается кровью, и будет делать это ещё несколько поколений, и о своих товарищах, с которыми ты напивался ещё совсем недавно. Да и о своём отце, даю руку на отсечение, ты тоже уже забыл. Все вы, люди, таковы, когда происходит нечто яркое, новое, вы отвлекаетесь на это, как попугай на новую игрушку. Для вас происходящее ежеминутно, гораздо интереснее того, что творится в вашем сердце. Вы пытаетесь заглушить голос разума и совести громкими криками, глупыми разговорами ни о чём, выдуманнными "важными" делами, продуманным распорядком дня. И сегодня вы клянётесь кому-то в любви, или сочувствуете и обещаете помочь, а завтра забываете о существовании этих людей и двигаетесь дальше по течению жизни, словно плывущее по реке бревно.

Мужчина вздохнул: – Из тебя выйдет отличный наследник. Я так думаю. Тот, кто станет гораздо более бесчувственным, чем я. По-настоящему безжалостным.

– В каком это смысле – наследник? – нахмурился парень. – Только не говорите, что мой отец умер! – воскликнул он, сжимая кулаки.

– О твоём отце я ничего не знаю, – огрызнулся мужчи-

на. – Но ты должен будешь стать тем, кем ты когда-то родился. Я разбужу в тебе то, что в тебе заложено от природы. То, что выползет из тебя, словно змея из яйца. Потому что есть большая разница между змеиными яйцами и куриными. Всё-таки ты родился хищником. Скажу тебе сразу: это будет безумно больно и страшно. Раньше, переживая самые жуткие события в своей жизни, ты никогда не испытывал истинных страха и боли, поверь мне. И мне на самом деле всё равно, что ты сам о себе думаешь, каким себя видишь: непонятным талантом, чутким и добрым пареньком, послушным сыном и шепутным гимназистом или же будущим солдатом, спокойно отправляющим на тот свет людей тысячами. Мне это неинтересно, и не нужно, – мужчина уставился куда-то в пространство, словно не видел его, а смотрел на что-то гораздо более значимое, чем они двое.

– Понимаешь, тебе, чтобы выжить, потребуется то, что пока спит в тебе, как спящая красавица в хрустальном гробу. Только я не принц, да и ты не прекрасная принцесса, так что нежными поцелуями ты не отделаешься, – злобно оскалился он. – Ты будешь страдать, о, ещё как! И я сломаю тебя, уничтожу в тебе всё то светлое и чистое, за что ты ещё держишься. Потому что мне не нужна вся эта сентиментальная и бесполезная шелуха. Мне нужно ядро, спрятанное в орехе. А чтобы его достать, орех нужно раздробить. И тогда, когда ядро увидит свет, истинный смысл жизни, не заслонённый надуманными ценностями, меняющимися с каждым по-

колением, проявится твоё истинное Я. Ты меня понимаешь, мальчишка?

Павел осознавал, и покрывался холодным потом с головы до ног, ощущая марширующие по телу мурашки – каждая размером со слона. Ведь он прекрасно понимал, что с ним хотят сделать. Переделать его, перекроить, уничтожить его личность, избавить от светлых воспоминаний о материнской ласке и поддержке сильных рук отца. О первом несмелом поцелуе с девочкой Катей на собственном дне рождении, когда они прятались на балконе от других гостей. О приятелях по учёбе, с которыми он близко не сошёлся, но всё-таки в основном сохранял тёплые воспоминания. О званых вечерах, куда приглашали всю их семью, и куда они отправлялись, наряжённые и в карете.

Да и сейчас он ощущал, как прошлый мир отходил куда-то далеко, будто его не существовало. Будто вся его прошлая жизнь уместилась на маленьком глобусе из его кошмаров, и, залитая кровью, перестала существовать. А остались только боль и страх, желание покинуть родной город, который он когда-то так любил. А ещё накатывающее волнами странное равнодушие, которое затапливало отголоски сильных эмоций, пережитых совсем недавно.

– Я не бесчувственный! – воскликнул Павел, снова сжимая кулаки, но отлично понимая, что не пустит их в ход. Слишком пугал его этот мужчина, подавлял своей силой. Да и в природе его силы он так и не разобрался. А как можно

защищаться от незнамо чего? Если уж даже смерть не убила его окончательно!

"Или я как-то не так это делаю? Может, он вампир, и тогда вроде бы должен подействовать осиновый кол, чеснок и оМЕЛА. Хотя под оМЕЛОЙ целуются, кхм. А если он оборотень, то в этом случае нужны серебряные пули. А у меня ни кола, ни двора, ни пуль. Тем более, серебряных! А чего мелочиться? Может, ещё золотые или бриллиантовые пули и алмазные секиры попробовать пустить в ход?"

– Если я не истерю каждую минуту, это не значит, что я ничего не ощущаю. Я тебе не баба! – возмущённо продолжил Павел, не понимая, чего от него хотят. – Или тебе бы понравилось, если бы я тут начал буйствовать и вещи в тебя швырять?! Так попроси, не стесняйся, я уж себя покажу.

– Вот ты знаешь, что я убил твоих приятелей, и лишь только один раз попытался меня убить. Точнее, убил, но понарошку, как в детской игре. Но об этом после. А теперь ты злишься на меня, но по совершенно пустяковому поводу. Я тебе скорее интересен, как некое чудо-юдо, у которого головы – образно говоря – отрастают быстрее, чем ты успеваешь их отрубить. И где же твои пресловутые чувства? Их нет, и не было, потому что ничего в этом мире не затрагивает тебя глубоко. Наверное, я не совсем правильно выразился, – мужчина потёр переносицу натруженными, словно у крестьянина в поле, пальцами. – Я хотел сказать, что у тебя нет чувств к этому миру, к людям, которые тут проживают. Ты беспо-

коишься только о своей шкуре.

Павел неловко пожал плечами, вспомнив своих друзей, которые собирались в трактирах, надирались водкой, курили иностранные сигары и долго рассуждали о современной поэзии, светлых перспективах будущего России, цитировали на память философов древности и делали вид, что лично создают это самое светлое будущее. Ему ещё вспомнилось, что и бедные дворяне, с которыми он сошёлся в гимназии, и те, кто были побогаче, смотрели свысока, но приходили в трактиры, чтобы, по их собственным словам, "понаблюдать за жизнью простых людей и прогрессивной молодёжи Серебряного века", очень жалели крестьян и рабочих. С пеной у рта, брызгая слюной и покачиваясь от выпитого, активно жестикулируя, обнимаясь с половыми, говорили, что за простым народом будущее. Что им нужно отдать и землю – крестьянам, и фабрики – рабочим. И посмотреть, что в итоге получится.

Пожалуй, сейчас Павел был бы счастлив, если бы очутился в Америке во времена войны Севера с Югом. Ему представлялось, что там всё происходило как-то более мягко и цивилизованно, почти нежно и трепетно, по сравнению с кровавой революцией на их земле.

– Но всё это не важно, – мужчина прервал его размышления. – Обещаю, что очень скоро ты будешь меня ненавидеть. Или даже презирать.

– Хорошо, – пожал плечами Павел. – Вы победили в этой

игре, правил которой я не знаю, так что это было жульничество. Можете считать, что я не человек, а какая-нибудь статуя из мрамора. А теперь поясните мне, что означает "наследник" на вашем языке. Потому что чем больше вы говорите, тем меньше я вас понимаю. Хотя мы и говорим, вроде бы, на одном языке. И почему мы убили друг друга не на самом деле. И всё остальное. Я хочу всё знать!

– Всё знать невозможно, – в глазах мужчины появилась насмешка, а губы дрогнули в лёгкой улыбке, которая вновь превратилась в кривую гримасу. – Вообще, губу особо не раскатывай. Ты не один тут такой красивый. И один из наследников – это я. А меня зовут Кэвин.

Мужчина поморщился, будто не переваривал собственное имя.

– Когда-то я считал себя очень особенным, единственным и неповторимым, – мрачно заметил он. – Когда-то так и было, но сейчас таких, как я, много. А ещё у каждого наследника есть его отражение, копия. Идеальный слуга или служанка. Верная тень. Хотя, если вспомнить одну из сказок Андерсена на подобную тематику, то иногда тень может победить оригинал, – кровожадно оскалился мужчина. – И на самом деле Тенью может стать почти кто угодно, кого выберет господин Случай (это не гадалка, и не ведущий прогноза погоды, так что не ошибается), то мы, наследники, рождаемся теми, кем мы являемся.

– И зачем мы нужны? – вклинился Павел, зевая и прикры-

вая рот ладонью. – Я начал терять нить рассуждения. Всё это звучит, уж извините, как какой-то бред!

– Работа у нас весьма пустяковая, – явно рисуясь, продолжил он, начиная ходить по комнате, размеренно и равнодушно, словно был охранником в тюрьме. – Мы создаём миры, а также убиваем людей. Или спасаем их – тут уж на вкус и на цвет. Собираем кровавую жатву. Но, по крайней мере, в отличие от обычных людей, мы не делаем этого просто так, напрасно, хотя кого-то это веселит и даже возбуждает. Но наша высшая цель не эфемерная, а самая, что ни на есть, реальная! Понимаешь, мы не приносим жертвы богам, которых не существует. Ведь это самое глупое и бессмысленное в мире занятие: убивать людей просто так.

Кэвин помолчал, потянулся к графину на маленьком столике, накрытом вязанной крючком скатертью, которая когда-то, лет сто назад, была белой. Налил воды в пыльный стакан, с отвращением осмотрел жидкость на свет, а затем выпил несколько глотков и хрипло прокашлялся.

– Как ты уже понял, мы – бессмертные. Или условно бессмертные, если тебе так проще с этим смириться. И у каждого, как ты понял, есть особые способности. Если бы сейчас существовала Инквизиция, то нас точно бы попытались сжечь на костре. Хотя в современном мире за такое, вроде бы, расстреливают или отправляют в ссылку, как и за любое проявление инаковости. Да-да, можешь называть это магией, – усмехнулся Кэвин, сверкнув жёлтыми глазами.

– И особые способности проявляются тогда, когда мы надеваем на палец волшебное колечко, – мужчина взглядом указал ему на кольцо, о котором Павел почти забыл. – Это я его на тебя надел, точнее, на твой труп, когда застрелил тебя тогда, возле костра. Так я стал твоим наставником, и тебя ко мне притянуло.

Ты нашёл бы меня так или иначе, даже если бы я очутился, допустим, в Африке. Но мне нужно было начать твоё обучение как можно быстрее, да и обстановка вокруг не располагает к созданию мирных туристических маршрутов. Поэтому я ждал тебя поблизости.

– Угу, – вяло ответил Павел, ощущая громадную усталость, свалившуюся на него, будто груды кирпичей. Он помассировал негнушимися пальцами виски и подумал, что никогда уже не сможет стать прежним. Даже притвориться тем, кем он был ещё недавно. Но впервые он осознал целесообразность такого экстренного взросления.

Юноша уже осознал, что в этом месте наивные слабаки не выживают.

– Так что знакомься, – Кэвин схватил его руку и больно сжал запястье, будто наручник надел. – Это кольцо, – он указал взглядом на кольцо-печатку с вороном. – Может менять металл и форму, в зависимости от характера и личности носителя. Но суть его, естественно, остаётся прежней. Это наша карманная вселенная, замкнутая сама в себе, как символ бесконечности. Наш повелитель и личный джинн. Отраже-

ние нашей сущности. Усиливает наши возможности, точнее, даёт им направление. Как лук направляет стрелы в мишень или пистолет отправляет пули в цель. Не совсем корректное сравнение, конечно, так как человек без лука или пистолета не сможет выстрелить, а мы можем колдовать и так. Только с кольцом всё же гораздо, гораздо легче!

Павел едва заметно кивнул, показывая, что слушает и ещё не спит, хотя сон уже подкрадывался к нему на мягких лапах и готовился вонзить в него острые когти в любой момент. Он старательно отгонял это обычно желанное чудовище, так как не хотел проверять, что сделает с ним Кэвин, когда заметит, что он спит во время чтения, несомненно, крайней важной лекции.

– А также кольцо является проводником в один из миров, многие из которых создал я сам. Тени обычно в миры Кольца не суются, им достаточно коснуться кольца или одного из его элементов, вроде драгоценного камня, чтобы они сразу видели перед собой техническую сторону проекта: формулы, цифры, схемы, в общем, разную техническую документацию. Им доступна изнанка миров, то, из чего те состоят, а мы, наследники, видим его внутреннюю суть. Как Тени получают свои силы, я ума не приложу. Не всё в моей власти, и это даже радует, как-то бодрит, – ухмыльнулся мужчина. – Иногда чувствовать себя почти всемогущим не слишком приятно. Даже отвратительно. В общем, никогда не стремился стать божеством или сыном божества. Но кто

же меня спрашивал, – пробубнил он себе под нос , но Павел услышал. – Ты ещё не заснул, малыш?

– Нет, я не сплю, – помотал тот потяжелевшей головой. Ему подумалось, что Оле Лукойе как-то перестарался со сладким молоком, заливаемом в глаза.

– И тебе не наскучило слушать весь тот бред, который я несу?

– Нет, просто я устал, – упрямо покачал головой Павел, потирая слипающиеся глаза.

– И ты мне поверил?

– А мне всё равно! – внезапно вскинул голову парень, ощущая как сонливость отступает от азарта и злости, охватившие всё его существо. – Не верь глазам своим – и так далее. Но я всё же склонен доверять тому, что вижу, и тому, что ощущаю. Пусть это и обман зрения или галлюцинации. Даже если всё то, что я вижу и ощущаю, находится исключительно внутри моей больной головы.

– Что ж, твоя позиция мне ясна. Не лучше и не хуже других, – Кэвин пожал плечами. – Тогда, пожалуй, можно немного прогуляться по внутренним мирам кольца. Пора тебе привыкать к торным дорогам, опасным монстрам и непреодолимым препятствиям.

Они и правда слегка прогулялись.

По странным местам, которых Павел никогда не видел и даже не представлял, жадно вгрызаясь в страницы книг. И адреналин шпарил во все стороны, буквально разрывая его

на части, будто ему пытались спойть океан.

Сначала их едва не сожрали жуткие животные, похожие и не похожие на разных тигров, львов, рысей и пум, которых он ранее видел только в зоопарке, да и на страницах приключенческой литературы, рассматривая красочные иллюстрации.

Те были злобные, прыгучие, с громадными клыками и желанием полакомиться человечиной.

Один из зверей оторвал Павлу ухо, на что Кэвин невозмутимо заявил: "Отрастёт твоё несчастное ухо! У меня всё всегда отрастало, а яблочко от яблоньки... Регенерация у тебя прекрасная, так что не дрейфь! И помни, что мы в этих мирах совершенно и стопроцентно бессмертные".

Затем они очутились в мире, где не было живых людей, но имелось множество странных высотных зданий, осколки стёкол валялись, кажется, повсюду, как и многочисленные горы мусора. А затем небеса нахмурились мрачными желтоватыми тучами и разлились дождём, обжигающим, почти как серная кислота. После, переждав выпадение опасных осадков в одном из таких зданий, где было множество помещений, странной мебели и не менее удивительных приборов, они заблудились в тумане, который по своему воздействию, как охотно заметил Кэвин, напомнил ему газовую камеру с убийцами – в США, или с жертвами нацистов – почти везде.

Павел покачнулся и ухватился за спутника, просто потому, что тот оказался ближе, чем очередной ржавый остов или

чудом сохранившееся дерево. Ему казалось, что его голова вот-вот взорвётся, а глаза вылетят из орбит, как пробки из шампанского.

– Ты ещё не осознал? – голос Кэвина звучал прямо в голове, вызывая ещё большую головную боль. – И боль, и смерть для нас не имеют значения. Как и в мирах Кольца, так и на нашей родной планете. Когда ты это осознаешь, то станешь намного сильнее. Не жертвой, а мучителем. Не то, чтобы это было намного лучше, но лучше быть надзирателем в концлагере, чем заключённым в нём же.

– Я бы вообще предпочёл держаться от концлагеря как можно дальше, – злобно фыркнул Павел, чувствуя, как тело постепенно становится неживым. На какой-то ужасный миг он подумал, что превращается в статую. И что проведёт вечность в таком вот непотребном виде.

– Как и все люди, которые пытаются убежать от войны. Но это невозможно, так как от противника, заполнившего почти весь земной шар, сложно удрать. Ну, разве что попытаться научиться дышать без кислорода, обходиться без еды и летать в невесомости без космического корабля, – сыронизировал он. – А теперь пошли дальше, шевели копытами! Да нет, это я так, образно сказал, не волнуйся, никаких копыт у тебя не выросло.

Тяжело вздохнув, Павел закатил глаза и, опираясь на почти волочившего его на себе Кэвина, рассказывающего что-то на самом деле интересное и жутко секретное, пытался не

заснуть. Оригинальные игры в мёртвое – живое его изрядно утомили.

ГЛАВА 7. Спешу домой

Жара очень напоминала пустыню, раскалённым маревом дрожая над асфальтом Львова. "Западная столица" хмурилась грозовыми тучами, обещающими долгожданное освобождение от жары, но дышать всё ещё было нечем. Духота словно брала за горло, как бандит в подворотне, и резала глаза яркими солнечными отблесками.

Солнце казалось разозлённым до крайности, желающим сжечь каждого человека, словно Святая инквизиция, обнаружившая целую толпу еретиков как раз возле склада с дровами.

На вокзале пахло непередаваемой смесью неприятных запахов, состоявших из особой ноты "аромата", доступной только на вокзалах и сразу узнаваемой, но непонятно, от чего или от кого исходящей. Также пахло прогнившими арбузами, дешёвой выпивкой и ещё более дешёвыми сигаретами.

А ещё от некоторых женщин исходил шлейф очень дорогих духов, которые привлекали к ним внимание не меньше, чем прожектор, направленный на артистов на сцене. И эти изысканные красавицы, непонятно что забывшие на вокзале, стремились суетливыми походками как можно быстрее перейти границу одного мира – грязного, дымного, переполненного бомжами, цыганами и калеками, в более светлый,

не такой грязный и куда более праздничный мир старинного города.

Аристарх зевал от бессонницы, всё ещё будто ощущая раскачивания плацкартного купе, в котором провёл одну из самых ужасных ночей в своей жизни, с трудом отбившись от пьяных попутчиков, желающих подружиться и затащить в своё вечное братство алкоголиков-путешественников, и вынужденный всю ночь слушать их песни, ругань нервного проводника, тщетно пытающегося их успокоить, пошлые разговоры "за жизнь", а также "наслаждаться" запахом немых тел, дешёвой водки и навеки въевшийся в каждую деталь грязи.

Ощувив аромат духов одной из девушек, которая быстро перебирала ногами, откидывая голову под тяжестью длинных волос медного оттенка, Ари пообещал сам себе, что зайдёт в дорогое – обязательно! – кафе, выпьет лучшего во всей Украине кофе, а также обязательно склеит какую-нибудь длинноногую красотку. Впрочем, от компании беспечно щебечущих подруг или даже очаровательных близняшек, он бы тоже не отказался.

Парня удивило, что запаха кофе он не ощущал, хотя Львов, кроме старинных достопримечательностей, славился своими удивительными кофейнями с вкуснейшим кофе.

Голова раскалывалась, словно он всю ночь бухал с работниками какого-то там завода. Которые всю дорогу с упоением перечисляли марки самого дорогого в мире спиртного,

надираясь водкой класса "для бомжей". Хотя ему и витающих запахов спиртного хватило, чтобы его затошнило.

Очутившись в переходе, Аристарх явственно ощутил усталость, будто ему на плечи взгромоздили каменную плиту или громадное бревно. И он ощутил всем своим существом, что ему нужно отдохнуть после службы в армии, которая началась и закончилась войной. Ари никогда не был особым патриотом, просто не видел смысла куда-то бежать от повестки, даже зная, что попадёт напрямиком на фронт. То бишь, в ад при жизни.

Он прекрасно понимал, что очень богатые люди, находящиеся при власти, разбрасывают солдатиков-смертников, словно шахматные фигуры, по линии фронта, с равнодушием к тем, кого и за людей не считают. Парень всегда знал, что является расходным материалом, так как ему не повезло родиться в семье какого-нибудь депутата, мэра и прочей элиты.

Так что он и сам не особенно высоко ценил свою жизнь, понимая, что стоит дёшево. Что является маленьким человечком из серой массы, которая жрёт дерьмо, с восторгом или вялой овечьей покорностью слушает патриотические лозунги из разряда: "Все плохие, одни мы хорошие!", считает, что размножаться полезно и нужно, даже будучи нищим. Чтобы у власть имущих всегда было достаточное количество солдатиков-смертников и рабочих, готовых всю жизнь ишачить за копейки, поднимая бизнес богачей на неизмеримую высоту Олимпа.

Поправив громадный рюкзак за плечами, он принялся мечтать, как наконец-то снимет с себя опостылевшую форму цвета хаки, чтобы не вспоминать каждый раз строчку из песни Виктора Цоя: "Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве, пожелай мне удачи в бою...".

Ему внезапно подумалось, что свежий горный воздух и свежие же впечатления способны пробудить от спячки не только спящую красавицу, но и даже бледного, словно вампир, солдата, навидавшегося крови и трупов больше иного маньяка.

"Надо взять такси", – принял решение Аристарх. В забитой маршрутке многие, как он уже знал по опыту, будут недовольно коситься на его форму и на рюкзак, ненавидя его страшной ненавистью. Будто, если бы не было армии, то и войны бы тоже не случилось. Все бы быстренько сдались, их бы потом оперативно изнасиловали, ограбили, попытали и прикончили – и настал бы мир во всём мире! На территории огромного кладбища настал бы мир и покой. И тишина. И мёртвые с косами. И поднялись бы зомби и личи, и пошли бы снова воевать...

Автобуса ждать тоже не хотелось, да и не очень хорошо он помнил их расписание. И вообще сомневался, что такое имелось. Или же было составлено кем-то, кто составлял прогнозы погоды. С той же вероятностью совпадений.

Ари решил изобразить "Злое лицо", маску, которая отлично помогала выживать в людских джунглях, хотя время

от времени и притягивала внимание агрессивного люда, желающего кому-то начистить рожу. Но в ситуациях с решением проблем методом драки Ари не терялся, а чувствовал себя рыбой в воде. Он был сильным и крепким, хоть и в первые моменты мог показаться врагам неопытным и молоденьким сосунком, видевшим драки только по телевизору.

И драться умел отлично, заслужив среди сослуживцев прозвище Ари-Страх.

Так что парень сжал губы в линию, выдвинул нижнюю челюсть вперёд, грозно нахмурил брови и постарался придать взгляду равнодушную жестокость. И не спеша прошёлся вдоль ряда такси. Несколько женщин буквально шарахнулись, а молоденькая девушка-туристка с чемоданом на колёсиках и с выдвижной ручкой, отшатнулась, едва не растянувшись на брусчатке.

Хмыкнув, Ари всё же сделал лицо попроще, подумав, что только нарываться на драку с очередным пьяным идиотом, решившимся заступиться за свою бабу, которую он может испугать, ему не нужно. Не сейчас, когда хочется отдохнуть, а не выяснять, чей интимный орган длиннее, круче и боеспособнее.

Хмыкнув, Ари подумал, что совсем не плохо, когда народ слегка побаивается тех, кто его охраняет. Главное, чтобы не дошло до попыток физически устранить причину страха – его, то есть. Ибо, как говорится, до вершины горы далеко, до царя высоко, а солдатик – вот он, усталый, одинокий, и уже

без огнестрельного оружия. Бери тёпленьким и пинай его: за произвол вышестоящих, за нищету, устроенную, опять же теми, до которых физически не дотянуться, за страх смерти и за всё хорошее.

Ари рассмотрел автомобили, предоставляющие такую полезную услугу, как доставку живого объекта в нужную точку на земном шаре за просто бешеные деньги. И "добрые" водители всегда были готовы выручить усталого путешественника, не знающего всех секретов местного общественного транспорта или очутившегося ночью в незнакомой стране, когда свой отель сложнее отыскать, чем путеводную звезду на ночном небе, не будучи моряком или астрономом.

Парень хмыкнув, увидев велосипед с гордо выделяющейся надписью "Таксобус". До чего дошёл прогресс!

Махнув рукой на машины старые и новые, отечественные развалюхи и дорогие иномарки, Захар некоторое время раздумывал, стоит ли вызвать uber, но затем, завидев подъехавшую маршрутку до Стрия, подбежал к ней, постаравшись поздороваться с водителем по-украински. Получилось не слишком впечатляюще, словно он использовал переводчик, и переводил с китайского.

На миг ему стало неловко, что он так плохо знает родной язык. Шофер кивнул, а затем равнодушно принял деньги и указал взглядом на табличку: "С шофёром во время поездки не разговаривать!".

Ари скорее обрадовался, что не придётся дальше позо-

ряться, а затем выбрал место в совершенно пустой – почему-то – машине.

Ему снова приходили в голову строчки из культовой группы "Кино", хотя водитель слушал "Шансон". Ему вспомнилась уже набившая оскомину шутка про то, что это радио является одной из важнейших деталей любой маршрутки.

Аристарх прижался лбом к стеклу и подумал о том, что дорога – это самое прекрасное, что есть у каждого человека, пока он способен передвигаться хоть как-то. Погружение в нирвану, медитация похлеще всяких индийских примочек, состояние абсолютного блаженства.

Почему-то в голове возникла фраза, произнесённая навечно сохранённым для потомков хрипловатым голосом: "Доброе утро, последний герой!".

"Последний? Ну-ну. И вам того же, мистер погибший кумир советской молодёжи". Парень усмехнулся, вспомнив, как в детстве обожал дедушку Ленина по сказкам и восторгался героическим выживанием безногого Мересьева из "Повести о настоящем человеке".

Впрочем, свеженькие мечты появились в голове после просмотра ролика в начале игры "Fallout 4". И тогда он начал вообразить себя в силовой броне, с верным и бессмертным псом за спиной, в которого можно запихнуть сколько угодно лута, с громадной пушкой, стреляющей лазерными лучами. И пафосно произносящем фразу: "Война... Война никогда не меняется".

Усмехнувшись, Ари вспомнил, как в юности родные и друзья дразнили его похожестью на героя с советского плаката. Да и сейчас некоторые утверждали, что ему самое место на обложку книги или на постер с фильмом на героическую тематику. А отдельные представительницы прекрасного – или не очень – пола намекали, что он выглядит даже лучше иностранных актёров на этих самых постерах, так как у него животик не беременный, морщин нет, да и черты лица правильные.

Ари никогда не зависал перед зеркалом, любуясь собой, как какой-нибудь метросексуал или кто похуже, но прекрасно знал свои достоинства: высокий, немного худощавый, что делало его зрительно ещё моложе. С красивыми, ясными голубыми глазами; натуральный блондин, но с тёмными бровями и ресницами, со всегда сгорающей белоснежной кожей. У левого глаза имелся длинный и тонкий, едва заметный шрам, который многим девушкам казался героическим, но на самом деле был оставлен старым котом лучшего друга ещё в детстве.

Как-то одна из знакомых девушек, сестра какого-то приятеля, накотив коньяка, безапелляционно заявила, пристально оглядев его с ног до головы, что Аристарх выглядит не как положительный герой, а как отлично замаскированный злодей.

"Слишком глаза у тебя холодные, словно кусочки льда, окрашенные в оттенок небес. Ты своим презрительным

взглядом режешь, словно скальпелем", – едва ворочая языком, заявила Лида или Катя. Тогда рыжеволосая девица с выступающими передними зубами пыталась приплести ещё и молодого Дарта Вейдера, но он тогда списал непонятный бред на пьяные и влажные фантазии.

Ари замечал, что приятели и даже более близкие друзья косятся на него настороженно, потому что он избегал выпивки, как чёрт ладана, сразу разрывал отношения с теми, кто превращался в запойных алкашей, не курил ничего, включая современные электронные сигары, считающиеся совершенно безвредными. А также не обижал девушек (разумеется, честных девушек!), начальство и сослуживцев (вслух).

Но если бы во времена коммунизма его бы только похвалили за такое поведение, то дед, отец и друзья постоянно говорили, что он слишком правильный, и что это как раз и неправильно.

Дедушку Ари любил, и всегда с улыбкой вызывал в голове образ молодавого мужчины, полностью седого, со светлыми бровями и ресницами, расходящимися лучами морщинами возле глаз от постоянного хитрого прищура, любящего вспомнить прошлое, когда жить было тяжело, но лучше, чем сейчас. Когда жизнь была понятнее, хоть шаг не туда мог привести к ссылке и/или расстрелу.

Почему-то сразу же, не успел Аристарх вызвать в памяти образ деда, в голове тот час же появилось изображение матери, виденное лишь на фотографиях. Мать всегда казалась

ему высокой и тощей, идеальной моделью, но красивой. Эта красота, как он позже понял, позволила ей на порядок улучшить свою жизнь, бросив мужа и малолетнего сына и сбежав с любовником, стремящимся эмигрировать в Эстонию. То, что мать не вернулось, могло означать, что им удалось переехать в благополучную Европу. Либо же то, что она где-нибудь сгинула.

А ещё от матери, кроме фотографий в потрёпанном фотоальбоме, осталось странное кольцо. Так как Ари не был крещённым, то приспособил кольцо вместо креста, повесив его на цепочку на шее. Те, кто знал его не слишком близко, полагали, что кольцо осталось ему на память о несчастной любви. Что его бросила невеста чуть ли не прямо возле алтаря. Впрочем, Ари никогда не стремился удовлетворить интерес незнакомых и не слишком хорошо знакомых людей, поэтому и не опровергал их домыслы. В конце концов, мать точно была красоткой, как раз в современном стиле, и их взаимная любовь действительно окончилась трагедией.

Пусть и страдал от разрывая их "отношений" только он.

Кольцо не было драгоценным, но оставалось для него самым дорогим сокровищем. Чересчур массивное то ли из бронзы, то ли из латуни, не слишком правдоподобно имитирующего золото, с малахитом. Малахит Ари любил, тот вызвал ассоциации с прочитанными в детстве, не слишком понятными, но любимыми сказками о хозяйке Медной горы.

И дед, и отец на кольцо не претендовали, да и давно рассо-

рились. Отец проживал в столице, а дед остался в своём старом доме среди гор, предпочитая свежий воздух.

Его мысли прервали звуки ударов дождевых капель по стеклу: началась летняя гроза. Грохотал гром, молнии разрывали небеса, а дождь казался сплошной стеной, огораживающей их от мира.

Аристарх даже удивился, что успел настолько уйти в себя, что проморгал начало буйства природы. На одной из остановок маршрутка резко затормозила. В салон втиснулась девушка, мокрая с головы до ног. Пробормотала "До Моршина", всунула деньги водителю, и почти упала на одной из боковых сидений.

Ари, который уже давно хотел познакомиться с какой-либо девушкой – желательно симпатичной, конечно! – с интересом вытянул голову, пытаясь рассмотреть лебеда в гадком утёнке. Мокрая и жалкая, девушка отнюдь не вызывала желания посмотреть на неё, как на женщину.

Рассмотрев её в тусклом освещении, Ари едва сдержал хот-хот, бьющийся в груди, словно живая птица, спрятанная под рубашкой. Девушка казалась почти полной копией Гермионы Грейнджер, разумеется, из фильмов! Сыгранной Эммой Уотсон.

Негритянки им в качестве женщин никогда не рассматривались. Он не то, чтобы был расистом, только появившиеся в его стране после попыток стать частью Европы множество иностранок с тёмной кожей вызывали разве что интерес, схо-

жий с рассматриванием экзотических животных. Разве что японки казались ему милыми или же восточные женщины.

Не думая о приличиях, он во все глаза уставился на девушку, испытывая шок: маленькое личико, нежный вырез губ, "оленьи" светло-карие глаза и непослушные каштановые волосы, которые топорщились и вились от воды.

Фигурка была тоже, как у актрисы: хрупкая, точёная, что подчеркивалось мокрым сарафаном с изображёнными на светлой ткани громадными маками. Волосы, заколотые в ракушку, как ему показалось, отливали необычным желтоватым оттенком, будто девушку кто-то обсыпал блёстками. Или, как предположил Ари, это был такой молодёжный лак для волос.

Он едва сдержал нервный смешок, подумав, что с двойником известной британской актрисы ещё в маршрутках не ездил. Разумеется, он не был в достаточной мере психом или наивным придурком, чтобы поверить в то, что рядом оказалась настоящая актриса.

Ага, прямо вот взяла – и перепрыгнула из дорогого авто в маршрутку!

А ещё ситуация казалась ему забавной до абсурда, так как Эмма Уотсон никогда ему не нравилась. Ни как актриса, ни как женщина. Ари всегда был горячим поклонником женственных актрис прошлого вроде незабвенной Мэрилин Монро или Элизабет Тейлор. Для него слишком худая девушка попадала в категорию "драные кошки".

Также ему не понравилось, что на девушке было чересчур много золота, что вызывало у него ассоциацию со слишком юными девушками, у которых полностью отсутствует как вкус, так и чувство меры. Золотые серёжки в форме колец, три золотых кольца на одной руке, золотая цепочка с золотым же кулоном в форме непристойно обвившей друг дружку парочки маленьких человечков.

Как оказалось, с девушкой ему по пути. А другие сидения почему-то оставались пустыми, что вызывало у Ари ассоциацию с каким-то апокалипсисом, после которого людей почти не осталось. Или с водителем-маньяком, возвращающимся в любимый тёмный лес с двумя выбранными жертвами.

Ари всё-таки хмыкнул, подумав о том, что многие мечтали бы остаться наедине с такой девушкой... Но только не он! Он навскидку вспомнил трёх приятелей-поттероманов, которые тут же бы кинулись фотографировать несчастную, снимать её на видео и требовать совместного селфи.

Ари же всё это было неинтересно, хотя до истерики казалось забавным. словно судьба язвительно подшутила над ним: ты же хотел встретить красотку, выглядящую, как кумир миллионов? На!

Окрестности затянул блеклый туман, напомнивший ему старые фильмы про вампиров с дешёвыми спецэффектами. И несмотря на то, что проливной дождь внезапно прекратился, тучи сгустились, а неожиданно холодный ветер, напоминающий об осени, начал задувать во все щели.

Водитель выглядел молчаливым, погружённым в себе, и Ари, которому неожиданно стало скучно, сказал: "Привет", полуобернувшись к девушке.

Незнакомка всё это время пялилась в окно, будто за ним показывали что-то интересное, например, любимый сериал. Ему даже стало интересно, что такого завораживающего можно увидеть, если туман скрадывал очертания зданий, а ветер заставлял всё вокруг трепетать.

Девушка вздрогнула и глянула на него испуганно, отчего "оленьи" глаза посмотрели на него беспомощно. Будто он мог сказать нечто грубое или пристать насчёт сходства с известной актрисой. Издевательски попросить автограф или потребовать показать сиськи – мол, у тебя больше, чем у актрисы или же ещё меньше?

Внезапно ему подумалось, что девушка относится к стремительно вымирающей породе интеллигентных девушек, которые не переносят грубости ни в каком виде. И буквально задыхаются в маленьких городках, стремясь затеряться на обширных просторах, зажить своей жизнью праведного невидимки.

Ошарашенно похлопав мокрыми ресницами, девушка быстро отвернулась к окну, лишь сильнее сжав маленькую белую сумочку пальцами с французским маникюром. Он отметил, что маленькие, тоненькие пальчики едва ощутимо подрагивают.

Ари же заговорил с ней от скуки, да ещё и потому, что де-

вушка всё-таки показалась ему необычной из-за внешности, хоть и была абсолютно не его типажа. Ему просто не нравились шатенки с карими глазами, он полагал это сочетание до крайности банальным. Ари всегда нравились девушки с изюминкой, чем-то ярким во внешности: глазами, волосами, хотя бы поведением.

Ему внезапно стало интересным, как можно быть настолько закомплексованной и запуганной, обладая сходством с кумиром миллионов! А затем он подумал, что в этом, скорее всего, и дело. В том, что она похожа на популярную актрису, на героиню множества влажных фантазий... Парень тот час же вспомнил идиотскую шутку о том, на чём мечтали прокатиться любители Поттерианы, очутившись в любимом мире. И одно из этих мест занимала Гермиона.

И если в лицо настоящей Эммы Уотсон вряд ли бы кто-то рискнул высказать подобную похабщину, то уж на обычной девушке из небольшого городка явно отрывались многие. И, как ему подумалось, ещё со школы, так как книги писались давно, как и снимались фильмы. А если учесть, что интерес к Поттериане не прекращался вообще никогда...

Аристарха внезапно обуяла жалость к затравленной девушке. И он ощутил неприязнь к себе за то, что напугал её. Ведь когда-то, когда он ещё не начал заниматься айкидо, он тоже был робким. А затем стал наглым. Пока не оказался на фронте, где людей убивали отнюдь не понарошку. Сейчас же он считал себя мудрым, почти просветлённым.

Как же! Не пил, не курил, наркотики не употреблял, развратничал в меру – просто хоть сейчас претендуй на золотистый нимб.

– Извини, я вовсе не фанат Гарри Поттера, поэтому расслабься, никаких фоточек или приставаний. Ты, в общем, совсем не в моём вкусе.

"Молодец, просто гений пикапа! А ещё мастер утешений. А вообще, ты – грубая скотина, как считали многие знакомые тебе девушки", – тот час же мелькнуло в голове.

– Но это всё не важно, – быстро произнёс он, словив странный взгляд девушки, которая явно пыталась решить, дурак он или просто грубиян. Или же пьяный попутчик, от которого лучше держаться подальше и ни в коем случае не злить! – Просто понимаешь, этот туман навевает уныние, как и дождь. А тут никого нет, кроме нас с тобой – водитель не в счёт. Так что хочется поговорить хотя бы с выдуманным другом, кошкой или же с милой девушкой.

Ари мысленно поаплодировал себе, сам не зная, отчего ему так важно произвести на неё хорошее впечатление. Наверное, слишком давно он встречался с настороженной неприязнью или с обжигающей ненавистью врагов на поле боя.

Внезапно ему показалось, что она смотрит на него так, будто пытается вспомнить. Будто они могли когда-то пересечься. Ари даже мысленно попытался перебрать те вечеринки, куда его всё-таки приглашали, даже учитывая, что

он презирал выпивку и пьяных. И пришёл к выводу, что уж "Гермиону" он бы точно запомнил. Тем более, что на подобных мероприятиях никогда не был выпившим. Хотя вполне мог быть усталым и не выспавшимся, а оттого – рассеянным.

А также он отметил, что его лицо кажется ей красивым. Это показал её вдруг ставший огненным взгляд, лёгкий румянец на скулах и чуть приоткрытый рот.

– Знаешь, а у тебя красивые глаза. Голубые, почти синие, – внезапно тихо произнесла она слегка хриплым от волнения голосом. – И ты совсем не напоминаешь местных, которые постоянно матерятся, даже когда не злятся, просто по привычке. И ты очень похож на городского парня, не сельского жителя. Да, в нашем городе половина высотных зданий. Ну, если "хрущёвские" пятиэтажки так можно назвать, – криво усмехнулась она. – А вторая половина – частный сектор. Но это всё равно село. Ну, я думаю, ты меня понимаешь.

Ари неопределённо пожал плечами, так как любил маленькие города, но сёла действительно недолюбливал. Слишком уж много там было людей, чьи интересы совершенно не совпадали с его.

– Я родился в Киеве, можно сказать, в центре Киевской Руси, – принялся беспечно болтать он, не желая вспоминать тех мест, где почти любые проблемы можно было решить, физически уничтожив противника. И он уже начал скучать по такой возможности.

Убедившись, что девушка слушает его с удовольствием,

он вдохновился, ощущая себя почти Остапом Бендером, которого "понесло". – Сюда я приехал, чтобы навестить любимого деда и отдохнуть. Может, ты даже с ним знакома.

– У нас все друг друга знают и зачастую терпеть не могут, – пожалала плечами девушка.

– Его зовут Сергей Арсеньевич.

– Да, знаю, его считают странным, – извиняющимся тоном произнесла она, отводя взгляд.

– Иногда странные люди опасны, а иной раз они просто прикольные чудики. Лично я предпочту людей с перчинкой или изюминкой, чем прямых и тупых, как угол дома, – увлѣкшись беседой, Ари принялся жестикулировать. Только сейчас он ощутил сжимающее душу одиночество. И ему на самом деле уже было всё равно с кем разговаривать. Но в отличие от домашнего животного девушка хотя бы могла ответить по-человечески.

Каким-то образом от резких движений и тряски маршрутки цепочка с кольцом оказались снаружи, выбравшись из-под одежды, словно любопытная домашняя крыса.

Девушка неожиданно застыла, уставившись на его украшение. Она приоткрыла рот, прикусила нижнюю губу и явственно сглотнула. Зрачки её расширились, отчего она напонила ему охотящуюся рысь или пуму.

– Какая чудесная вещичка! – воскликнула она, всплеснув руками. – Золотое колечко, да?

– Бронза или латунь, – пожал плечами Ари, не понимая

ажитожа девицы. Особенно, учитывая, что на ней как раз было много украшений из настоящего золота. – Камень – ма-лахит. Сейчас его невозможно отыскать во всём Снд, выкопали ещё до революции, наверное, и половину продали буржуям. Так что для меня этот камешек – величайшая драгоценность. Не алмаз с орех величиной, но что-то в этом роде. Хотя тут дело не в камне, а в памяти.

– Наверное, поклонница подарила? – неожиданно мрачно предположила девушка, и Ари с удивлением осознал, что даже не поинтересовался её именем.

– Нет, мама.

Парень не стал уточнять, что мать просто оставила кольцо, как и его самого, как нечто ненужное, убегая от постылой и бедной жизни в обеспеченную и счастливую. Когда он навещал отца и видел его пьяным, почти не подающим признаков жизни на полу в зловонной луже, то он понимал её. А вот простить не мог. Потому что искренне считал, что в жизни надо делать не то, что легко, а то, что правильно.

Не так давно он попросил близкого знакомого заставить отца закодироваться. И пригрозил, что иначе застрелит его, когда вернётся с фронта. И добавил, что терять ему, кроме жизни, нечего. Богатств не нажил, девушки не было, ничего, за что бы можно было уцепиться.

Отец поверил, но постоянно жаловался любопытным соседям на тирана-сына. Но Ари было всё равно, даже если бы папа его возненавидел. Он предпочитал знать, что тот жив.

И ему не были нужны поддержка, проявление любви и заботы. Обходился же он без этого всю свою жизнь. И ничего, не умер.

В какой-то момент Ари показалось, что отец мечтает о том, чтобы его убили на фронте. Чтобы иметь возможность сразу начать пить, когда срок кодировки закончиться. И назло начал принимать таблетки, уничтожающие тягу к алкоголю, но способные привести к суициду.

Аристарху и на это было наплевать, так как он не очень верил в загробную жизнь, и ему было всё равно, что произойдёт после его смерти с теми, кто останется.

Девушка просветлела лицом, нежно улыбнулась, сладко посмотрела на него:

– Я Кристина, приятно познакомиться! Работаю в городской библиотеке, единственной и неповторимой. Потому что в нашем городке она одна, – криво усмехнувшись, пояснила она. – Если тебе нравится читать – ну, вдруг? – то добро пожаловать к нам! В хранилище я кое-что припрятала, мэр начал последние пару лет снабжать нас новой литературой. Грехи, что ли, замаливает. Может, заболел чем-то серьёзным или укокошил слишком много невинных людей.

– А меня зовут Аристарх. Можно Ари, – он улыбнулся ей. Весь оставшийся путь они провели в молчании.

А Аристарх пытался понять, пригласил ли он девушку на свидание или же просто пообщался с незнакомой, ничего ей не обещая. И как это вообще могло произойти?

А ещё ему снова показалось, что она времена поглядывает на него так, будто видела его раньше... Или кого-то, похожего на него.

"Надеюсь, я не напоминаю ей бывшего парня? А то потом будет сложно отвертеться от этого самого свидания Шрёдингера", – с содроганием подумал он.

Девушка вышла немного раньше. Вытянув голову, Аристарх с интересом рассмотрел высокий металлический забор и калитку в нём, через которую девушка и вошла в дом. На мгновение он услышал незнакомую иностранную музыку, которую слушали на участке.

Ари отметил, что двухэтажный дом выглядел новеньким, словно его недавно построили. А металлопластиковые окна, крыша из керамической черепицы, белая тарелка антенны, мансардные окна и гараж демонстрировали всем желающим, что в доме живут отнюдь не нищие.

Девушка махнула ему на прощание и странно посмотрела на него, будто он и вправду пригласил её на свидание, даже не заметив этого.

"Неужели она в меня влюбилась? – с тоской подумал Ари. – И отчего все девицы настолько похожи друг на друга? Настолько однообразные, скучные, пустые? И отчего, обладая смазливой мордашкой, можно со стопроцентной вероятностью угадать, сможешь ли ты подцепить первую встречную или же нет? Впрочем, в последнее время девушек больше интересует размер кошелька, чем правильные черты лица и

накаченное тело. Любая уродина сразу же интересуется, на какой ты машине едешь, в какой ресторан ты её поведёшь и что ей подаришь. И это ещё до того, как она тебе даст!".

ГЛАВА 8

Квартира деда располагалась в грязной, жуткого вида пятиэтажке, которая у Ари в детстве из-за мрачного вида вызвала ассоциации со старинным замком. Дед жил под самой крышей, которая всегда протекала во время дождя. Конечно, он обращался в коммунальную службу, но лишь пару лет назад крышу сподобились починить.

Однако на стенах "хрущёвки" от тех печальных времён остались засохшие, почерневшие пятна. Ари внезапно подумалось, не мэр ли, у которого внезапно проснулась совесть – со слов Алины, посодействовал починке крыши?

Двухкомнатная квартира, как и обычно, встретила его запахом застарелой плесени, грязного белья, пыли, уныния и старости. Вещи располагались там, где их никто не ожидал увидеть. Словно Ари попал в вывернутую наизнанку кроличью нору из Страны Чудес. Книги были брошены в сервант, посуду можно было обнаружить на полках шкафов, одежда была рассортирована по мешкам, словно несвежие трупы, и складирована в кладовке, на балконе и в углах комнат.

Только кухня была убрана, а на столе Ари углядел бутылку кваса. Дед был солидарен с ним насчёт пагубного влияния выпивки на характер, здоровье и мозги. Собственно, он и приучил Ари к трезвости, с малых лет читая лекции на мо-

рально-этические темы.

На белом блюде растопырила лапы рыхлая утка с яблоками. Кроме того, на столе в небольших тарелочках красовались салаты, что сразу вызвало у парня урчание в животе и желание наброситься на это великолепие и сожрать. Можно даже руками. Утку уж точно!

Лукаво улыбаясь в усы, дед, который выглядел вполне молодо и вполне мог бы сыграть в рекламном ролике какой-нибудь минеральной воды, которая позволяет до старости отлично выглядеть, махнул ему рукой.

Дед взглядом показал ему на стройную красавицу с большой грудью, которая казалась неестественной, что сразу вызвало мысли о пластической операции или, как минимум, использовании пушапа. Девушка скромно улыбалась, всю демонстрируя собственные кулинарные навыки. Простое платье в мелкий цветочек и передник красного цвета подчёркивали красивую фигуру, которая была достойна, чтобы оказаться на обложке журнала "Плейбой".

– О, приехал наконец, внучек! – воскликнул старик, активно жестикулируя и суетливо перемещаясь по кухне. Он подобострастно улыбнулся и лукаво ему подмигнул, указав уже рукой на девушку, чтобы Ари уж точно её не пропустил. Будто её огромные груди и так не бросались в глаза!

– Это вот Анечка, дочь моей соседки по лестничной клетке, специально сегодня зашла, чтобы помочь мне праздничный обед приготовить! Ведь надо же отпраздновать, что ты

вернулся с армии домой, целый и невредимый, на своих двоих, а не на инвалидной коляске или в цинковом гробу, как многие мои товарищи по Афганской войне. Аня очень старалась. Она вообще очень умная и добрая, хорошая девочка. И хозяйка просто отличная! Её едва не взяли в эту самую популярную передачу "Мастер Шеф", только чем-то она ведущим не понравилась. Или её блюдо показалось слишком простым. Но откуда нам, обычным людям, брать деньги на дорогие ингредиенты к немыслимо сложным иностранным блюдам? Да и эта, тьфу, молекулярная кухня – одно баловство, когда жрать нечего!

Ари помрачнел, а с каждой репликой деда ощущал, что настроение стремительно катится по наклонной, чтобы достичь дна, пробить его и сверзиться в неизмеримую пропасть космической чёрной дыры.

Девушка старалась мило улыбаться и жеманничала, будто её пригласили на смотрины. Впрочем, Аристарх был уверен, что дед только ради этого девушку и пригласил, так как и сам готовил отлично.

– А ещё Анечка играет на фортепиано и читает книжки! Прекрасная девушка! – излишне восторженно восклицал дед.

Ари закатил глаза и тяжело вздохнул: дед в очередной раз пытался найти ему невесту. Парень сначала отправился в комнату, где обычно останавливался, когда гостил у деда, с наслаждением снял рюкзак и поставил его на пол, а затем

отправился мыть руки. Потом, закрыв дверь, переоделся в обычные джинсы и голубую рубашку, ощутив себя намного лучше. Будто освободился от давно надоевшей маски и стал самим собой.

Когда он устроился за столом и принялся за еду, стараясь всё-таки не изображать из себя дикаря, колено девушки как бы случайно коснулось его ноги. Он глянул в глаза девушки, которые искрились, словно сапфиры. Полные алые губы раздвинулись в соблазняющей улыбке. Аня явно желала развлечься, причём, именно с ним.

Впрочем, он тоже не был против слить давно копившееся сексуальное напряжение, густо замешанное на адреналине. А то, не приведи Господь, опять западёт на кого-то, к кому раньше бы и на пушечный выстрел не подошёл!

"Вроде этой девушки-волшебницы", – ехидно подсказал внутренний голос.

После обеда, который постепенно перешёл в ужин, сдобренный бутылкой домашнего вина в пластиковой бутылке, тоже принесённого девушкой, Анечка намекнула, что уже поздно, и ей не помешал бы сопровождающий. Так как вино сама девушка и выпила, то Ари был согласен с тем, что пьяную красавицу лучше одну не отпускать.

"А то в этом городке может случиться всё, что угодно", – произнесла слегка покачивающаяся девушка значительным тоном. Естественно, дед выпроводил его провести девушку едва ли не пинками.

Он провёл её до самой квартиры, и девушка, что не удивительно, пригласила его к себе "на чай", хотя оба прекрасно знали, что в них ничего уже не влезет после долгого застолья. Да и жажда их была иного порядка.

Девушка внезапно толкнула его к стене, припечатав своим телом. Яростные поцелуи и крепкие объятия изрядно удивили парня. К подобной атаке он не был готов, хотя и надеялся на продолжение знакомства.

– Да, давай, возьми меня! – яростно шептала она, запрокидывая голову, пока он жадно выцеловывал её шею, спуская ниже. Лифчик и правда оказался с накладками, но ему понравилась её небольшая грудь. – Да-да, вот так! – воскликнула она, жадно расстёгивая ему штаны и запуская умелую руку внутрь.

Чертыхаясь, Ари едва не кончил от одних только движений её ладони, но всё-таки сумел оторваться от красотки, взять презерватив, который протянула ему девушка, взяв с полки початую упаковку, а затем использовать по назначению изнывающий от многомесячного невнимания член.

Потом Ари, совершенно ошалевший, вышел вместе с ней на улицу, погружаясь в ледяные объятия ветреного вечера и настолько ярко сверкающих на синих небесах звёзд, что они казались искусственными.

– Ты, наверное, гадаешь, отчего я на тебя накинулась? – лукаво спросила его Анечка. Обернувшись к нему, приблизившись так, что он увидел тоску в красивых, чуть подкрашен-

ных глазах, под блеклым светом одинокого фонаря, она пояснила: – В этом городке ты всегда на виду. Любое увлечение становится поводом для сплетен. Деревня, знаешь ли. Скучающие, одинокие старушки возле подъездов, которые тебе чуть ли не между ног заглядывают, когда ты выходишь из дому. Поэтому развлекаться в городе – чревато для репутации. А у нас, если девушку не уважают, вряд ли она выйдет замуж. Никто не станет относиться к ней серьёзно. А ты такой красивый, не местный... Надеюсь, – девушка нервно улыбнулась, – ты не станешь обсуждать меня с местными парнями?

– Нет, – жёстко ответил парень. – Я никогда не самоутверждаюсь за счёт женщин. Можешь спать спокойно... С кем хочешь.

– Дедушке тоже ни слова! Он сплетник, каких мало. Не каждая бабушка сравнится с твоим дедушкой, – хихикнула Аня, вновь приходя в игривое настроение.

– Принято к сведению, – отрезал он. Неприятное чувство скреблось внутри, обтачивая об него острые когти. Душевная пустота выглядывала изо всех дыр. По лицу Ани он понял, что ей тоже неприятно смотреть ему в глаза. Они чувствовали себя соучастниками преступления.

Когда Ари проснулся рано утром, как уже привык, то, умывшись и побрившись, внезапно обнаружил отсутствие

перстня. И никак не мог вспомнить, когда именно и где его потерял. Либо в маршрутке, либо в квартире девушки, где оказывал Ане сексуальные услуги. Однако, он был отчего-то убеждён, что пропажа произошла с помощью одной из девушек: библиотечарши Кристины или шлюхи Анюты.

Деда дома не было – тот, как всегда, встал ни свет ни заря. "Пошёл по соседям сплетничать, – подумалось парню. – Ну, здорово, ещё пустит по городу слух о том, как он "выгодно" меня пристроил. Без меня меня женили, называется! Ну, женили или не женили, а кушать-то хочется всегда...".

Через полчаса Ари нацепил то, что нашёл в шкафу из своей старой одежды, и совершил вылазку на кухню. Есть, как ни странно, совершенно расхотелось, посему он ограничился завтраком холостяка: варёным яйцом и куском чёрного хлеба, щедро намазанного вареньем. Желание выпить чаю отпало сразу, как только Ари вспомнил метод приготовления дедовского чая: полведра заварки на стакан воды и плюс к этому какие-то невообразимые сушёные цветочки: ромашка, мята, чабрец или прочая хрень для любителей здорового образа жизни.

С горя парень был даже готов выпить кваса, хотя и не любил этот напиток, от которого его сразу начинало пучить. Но квас, как оказалось, был допит ещё вчера.

По нормальным человеческим меркам была уже середина дня, когда Аристарх Звёздный соизволил выйти на прогулку. По его личным внутренним часам день только начинался.

Организм хотел отдохнуть от всего и рвался отоспаться за все бессонные ночи, колоссальное напряжение, истязавшее нервы, безумную ярость и почти победившее сумасшествие.

Ари решил прогуляться до ближайшей (единственной!) библиотеки и покопаться в архиве. Ему хотелось не просто отдыхать, а делать это с пользой.

И ещё он надеялся, что девушка (которую он мысленно уже обвинил в краже кольца и прочих смертных грехах, вроде попыток наколдовать Аваду Кедавру без волшебной палочки), увидев его, сильного и великолепного, испугается, отдаст украденное и попросит прощения, встав на колени. Желательно поблизости от его ширинки.

"О, наивный чукотский мальчик!" – сказал он себе тоном деда, когда понял, что мысленно несёт чушь. Всё-таки Аристарх считал себя настоящим героем и верил, что его фотогеничная внешность, здоровый образ жизни и могучая физическая сила, как у былинных богатырей, способны отпугнуть любых злодеев. И привлечь внимание самых красивых девушек в мире.

Единственное, он жалел об отсутствии оружия, так как точно знал с подачи Аль Капоне, что добрым словом и пистолетом можно добиться куда большего, чем просто добрым словом.

Моршин отчего-то напоминал ему один из городов, наполненных тайнами, как из какого-нибудь произведения Братьев Стругацких. Густые сосны и буки затмевали здания,

скрывая их чаще всего потрёпанный вид. Из-под растрескавшегося асфальта пробивались цветы и сорняки. Колонии одуванчиков тянули жёлтые головки к солнцу.

Ему ещё в детстве казалось, что, завернув за угол, в городе можно отыскать что-то необычное, влипнуть в приключение. Или хотя бы отыскать труп. И даже сейчас, осознав, что города не слишком-то и отличаются друг от друга, как, впрочем, и местные жители, он ощутил себя на пороге начинающегося приключения.

Его размышления были прерваны чёрным дроздом, который внезапно опустился на асфальт рядом с ним и пару раз клюнул его кроссовок.

Ари развеселился и внезапно подумал, что "волшебная девушка" по имени Кристина, так похожая на киногероиню, оставившую след во многих юных сердцах, заслуживает особенного подарка.

Отодвинувшись от птицы, которая смотрела на него крайне нагло, Аристарх присвистнул, подпрыгнул, углядел за чьим-то забором красивые и пышные розы, а затем сиганул через небольшой деревянный, покосившийся заборчик.

Сорвал пышную розу с куста и торжествующе помахал ею в воздухе. Из небольшого домика, который с первого взгляда казался нежилым и почти заброшенным, с невероятной для полной старухи скоростью выскочила местная жительница и, кляня его на все лады, бросилась его догонять.

Фантазируя, что бабка – злобная ведьма, а он сам – неве-

домый герой из сказки, Ари, хохоча, как припадочный, кинулся по улице, вспоминая на ходу, где именно располагалась библиотека. Пришлось на бегу уточнить пару раз маршрут у местных жителей, которые смотрели на него с опаской, но стратегически важной информацией поделились.

Конечно, бабка отстала быстро, да и не стала изображать из себя сумасшедшую – решив, вероятно, что Ари и сам отлично справится с данной ролью. Но всё-таки ему нравилось представлять, что "злая ведьма" продолжает преследовать его.

Вскоре Аристарх добежал до библиотеки, выдохшись и желая только куда-нибудь "кинуть кости". Здание, где располагалась библиотека, было построено ещё с советским размахом, с неизменными рабочими, размахивающими серпом и молотом на барельефе.

Так как он не был тут довольно давно, на самом деле, в глубоком детстве, то библиотеку пришлось искать довольно долго. Она помещалась в зале на втором этаже огромного здания.

– А Кристина есть? – спросил почему-то шёпотом парень, когда увидел на месте библиотекаря... Старуху, точь-в-точь похожую на ту, чей сад он только что обворовал. Ари стало стыдно, и он машинально спрятал добытый нечестным путём цветок за спину.

– Ещё один притащился! – буркнула библиотекарь, и, злобно отвернувшись, пошла в глубь архива.

– Кристиночка? – позвал Аристарх, постаравшись сказать это погромче, и в тоже время мягко. Бабка вдруг повернулась и с невообразимой прытью вытолкала парня вон из библиотеки.

– Нет её! – бросила она, напоследок сверкнув злыми глазами. – И волшебные палочки мы тоже не выдаём, – на прощанье огорошила она его.

– Мда, таки девочку-волшебницу поклонники замучили, – почесал он в затылке, невольно усмехаясь. Ситуация казалась ему абсурдной, немного забавной и изрядно прочищала мозги – не хуже чашечки кофе.

ГЛАВА 9

– Какой кошмар! – фыркнул Ари, выйдя из монументального здания. Потрескавшиеся асфальтовые дорожки исчертили пышный цветущий парк, и по ним хотелось прогуляться, чтобы настроиться на нужную волну мыслей. Хотелось просто отдохнуть и расслабиться.

Почему-то даже в этом маленьком городке напряжение не отпускало его, не желая разжимать крепкой хватки на горле. Аристарх радовался лишь тому, что сегодня ему впервые не снилась война, выстрелы, взрывы, крики ярости и боли. И калеки, сующие ему в лицо остатки своих конечностей с укоризной и ненавистью, будто это он был виноват, что сохранил и руки, и ноги. И взорванные здания, и мёртвые старики и дети. И лужи крови, и чужие пустые глаза: врагов и мирных жителей, которым всегда попадало на орехи между молотом и наковальней.

Внезапно ему захотелось уехать куда-то далеко, возможно даже за границу, туда, где тихо и спокойно, а самой большой опасностью являются бандиты и маньяки. С этими-то он бы точно справился, он был в этом твёрдо убеждён!

Нестерпимо, до дрожи, захотелось пройтись по какой-нибудь набережной, наслаждаясь влажным воздухом и стаканчиком мороженого. Познакомиться с прелестной девушкой или даже с несколькими девушками, которые бы отвлекли

его от собственных мрачных мыслей легкомысленным, почти птичьим, щебетанием.

– Старший прапорщик Звёздный, стой – ать, два!!! – гаркнули ему прямо в ухо гулким басом.

От неожиданности Аристарх и впрямь застыл по стойке смирно.

– Кругом!

Хмыкнув, так как он, конечно же, уже узнал этот голос, будто доносящийся из бочки, Ари выполнил команду.

– Раком встал и пополз!

На это Аристарх только громко заржал и ощутил сильный хлопок широкой ладони по плечу.

Развернувшись, он увидел Женю Колеватова, не слишком высокого, но зато широкоплечего и мускулистого темноволосого коротко стриженного парня с тёмными глазами, часто смотрящими с хитринкой.

Вообще, лицо у Женьки было воплощением ехидства и самовлюблённости. Одет он был, как и раньше, ещё до получения повестки в армию, во всё желтое: грязная футболка с изображением ярко-жёлтого покемона "Пикачу", жёлто-зелёные джинсы. И ноги в жёлтых носках в жёлтых же шлёпанцах, солнечные очки с жёлтым отливом. Ну, не было у человека в лексиконе такого слова как "вкус".

– Женька, ты ли это? – радостно возопил Ари, тоже хлопая его по плечу. Ему хотелось визжать от радости, словно девчонке-фанатке, узревшей любимого актёра или певца. А

мысли в голове запутывались в узлы, словно нити паутины.

Ари решил, что не стоит говорить дружбану, что их общие знакомые почему-то считают его погибшим на фронте. Что он и сам так считал, так как их распределили по разным отрядам, а последняя весточка, которую он получил от их общих знакомых, была неутешительной. Сначала ему сообщили, что друг лишился обеих ног, а затем скончался во время очередной операции.

И на какой-то миг ему даже показалось, что он либо видит сон, либо же друг ему мерещится. Либо призраки всё-таки существуют, ура!!!

– Да я это, я. Знал бы, что так мне обрадуешься, устроил бы тебе полноценный сюрприз. Например, напялил бы наряд клоуна, а затем снял маску в самый разгар жонглирования бутылками. Живой я, живой, – парень отвёл взгляд и поморщился, демонстрируя всем своим видом, что обсуждать слухи о своей преждевременной кончине не собирается. И ему не советует.

Друзья радостно обнялись.

– А ты совсем не изменился, блондинчик! Хорошо быть натуральным блондином, на этом фоне можно спрятать сколько угодно седых волос.

– Зато ты постарел – прямо не узнать! Наверное, уже в склероз впадаешь... – отшутился Ари.

– Да иди ты! – беззлобно улыбнулся Женька. – Я всегда молод – и душой, и телом. Так что, звездуй-бороздуй лесом,

полем и к морю.

– Ни за что! Разве только в твоей компании, – нашёлся Аристарх. – Но я рад тебя встретить дружище, честно! Если бы не увидел тебя живого и здорового, через пару месяцев честно притащился бы на кладбище и всплакнул над твоей могилкой, клянусь!

– Давай, я лучше тебя со своей девушкой познакомлю, а? – вновь поморщился друг, вызывая у Аристарха угрызения совести из-за очередной идиотской шуточки, вырвавшейся у него от волнения и шока.

– А она красивая? – ляпнул Ари по привычке.

– Она – моя. И это самое главное, понял? – прищурившись, ответил ему приятель с нажимом.

В этот момент к ним подошла девушка того типажа, который Ари не переносил ещё больше тощих безгрудых девиц с крошечными личиками. И с которой не стал бы флиртовать даже после нескольких лет celibата.

Это была невысокая, полноватая, вульгарного вида девица с большим бюстом, вызывающим ассоциацию с двумя арбузами, разрывающими лифчик. С омерзительными, на вкус Ари, каштановыми кудряшками, крупноватыми зубами, ярко накрашенными полными губами.

В короткой кожаной юбочке, которая шла ей – опять же, по мнению Аристарха – как корове свадебный наряд. И в светлой кофточке с кружевами, на которой та расстегнула несколько стратегически грамотно расположенных пуговиц,

чтобы выставить верх груди напоказ.

Добили его когда-то белые, а теперь жутко грязные кроссовки, словно снятые с напившегося в хламину бомжа-спортсмена.

"Хотя да, они отлично подходят друг другу! Одно отсутствие вкуса на двоих и вырвиглазные сочетания шмоток. Чёрт, скоро договорюсь до того, что вообразу себя дизайнером-метросексуалом, изыди, окаянные!"

"И обе шатенки! – мысленно взвыл он, вспомнив и Кристину.

– В общем, Ари, знакомься: это – Ксения. Ксюша, а вот этот вот мрачный блондинистый тип – это мой давний товарищ, сосед по детской площадке и песочнице во дворе, Аристарх Звёздный. Да-да, милая, его именно так и зовут, кошмар, правда?

Ари кивнул, полагая, что в этот момент он действительно выглядит мрачным, как куснувший лимон желчный тип.

Он всё никак не мог поверить, что, во-первых, видит друга живым-здоровым, и, во-вторых, что тот не выбрал какую-нибудь красотку. Ведь несмотря на нелепый выбор шмоток, тот всегда был перебочивым в отношении женского пола. И мог раскритиковать любую женщину за спиной так ядовито, как и сам Аристарх бы не сподобился.

Ари ещё раз внимательно осмотрел девушку и пожал плечами, так как ожидал, что девушку друг выберет, похожую на его вчерашнюю любовницу. Пикантную штучку, умеющую

себя подать, распутно-сексуальную и доступную.

"Таких же, как Ксения, везде полно, куда ни плюнь, именно в такую и попадёшь. Хотя в нашей стране красоток куда больше, чем таких вот серых мышей", – подумалось Ари.

Аристарх пришёл к выводу, что клюнул бы на такую девушку лишь в том случае, если бы они остались одни на планете. И их бы заставили высшие силы сыграть роль Адама и Евы.

И всё же он на автомате проявил галантность:

– Ага, мы с Женей ещё с давних пор сражались не на жизнь, а на смерть за песчаные замки в детской песочнице. А когда повзрослели, внезапно осознали, что прекрасные принцессы прячутся совершенно в других замках, поэтому начали брать в плен хорошеньких девушек в кафе и в парках.

– Не думаю, что такой, как вы, стал бы меня завоёвывать, – отозвалась девушка безмятежно, совсем не огорчённая такой печальной перспективой.

Улыбнувшись, она приблизилась к своему парню, и, встав на цыпочки, взъерошила тёмный ёжик его волос.

Ари просто не узнавал того, кто в любой красавице мог с ходу отыскать десяток недостатков, а затем злобно их осмеять.

Женька так смотрел на девушку, что Нина Добрев вместе с Кристен Стюарт могли пройти мимо в обнимку, а затем поцеловаться взасос прямо перед ним, не заслужив такого же долгого, нежного, тёплого и полного страсти взора. На своего бывшего горячего поклонника самые красивые актрисы и

модели уж точно больше не могли рассчитывать.

Где-то глубоко в подсознании Ари даже позавидовал столь пылким чувством. Он внезапно ощутил тоску по материнской любви, уюту, который способны создать даже в самой нищей квартире только женские руки... Если жену выбрать правильно.

Ему всегда хотелось всё это испытать, так как тёплой домашней обстановки у него никогда не было, благодаря слинявшей с любовником мамочке, бросившей его младенцем.

"Может, дед не так уж неправ, и мне, правда, пора жениться? – крамольная мысль появилась в голове. – Только не на Ане, слишком уж она доступная. В общем, просто шлюха".

– Я бы захватил твой корабль и взял тебя на бордаж! – отозвался Женя, приобнимая Ксюшу.

– Ах, мой любимый Джек Воробей! Мой самый лучший пират на свете, – с милой улыбкой проворковала Ксения.

Затем девушка развернулась к Ари, который внезапно ощутил себя третьим лишним. И это чувство ему ужасно не понравилось.

– Может, ты хотел бы перекусить? Могу приготовить своё фирменное блюдо с домашним вином. Хотя на самом деле я могу приготовить больше одного фирменного блюда, – с милой улыбкой добавила девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.